

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***НЕКРОПОЛЬ БЕЛЯУСА II ВЕКА ДО Н.Э. – I ВЕКА Н.Э. (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ
КРЫМ): КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКА***

по направлению подготовки 030600 - *История*
образовательная программа бакалавриата - *История*
профиль: *Археология*

Выполнил:

студент IV курса
очного отделения

Молофеев Сергей Олегович

Научный руководитель
ассистент

Гарбуз Игорь Анатольевич

Санкт - Петербург

2017 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Методика проведения исследования.....	6
Глава II. Хронология могильника.....	13
II.1. Однокамерные земляные склепы.....	13
II.2. Двухкамерные земляные склепы.....	40
II.3. Грунтовые ямы.....	43
II.4. Подбойные могилы.....	44
Глава III. Историческая планиграфия памятника.....	48
Глава IV. Культурная стратиграфия памятника.....	50
IV.1. Анализ погребальных сооружений.....	50
IV.2. Анализ останков погребенных.....	53
IV.3. Анализ погребального инвентаря.....	63
Заключение.....	69
Список публикаций.....	74
Список иллюстраций.....	86
Приложение.....	89

Введение

Рассматриваемый в работе Беляуский некрополь позднескифской археологической культуры расположен Северо-Западном Крыму. Упомянутая область включает в себя поселения и могильники Тарханкутского полуострова и район современных городов – Евпатории и Сак. Освоение этой территории и включение ее в качестве хоры активно велось Херсонесом в IV- начале III в. до н.э. После разгрома в первой трети III в. до н.э. часть ее в последней четверти столетия была восстановлена. Прекращение жизни на античных поселениях произошло в конце первой четверти II в. до н.э., а полный захват их скифами - не позднее середины-начала третьей четверти II в. до н.э. (Пуздровский. 2007. 16).

Некрополь Беляуса находится в 1, 5 км к юго-востоку от с. Знаменское (бывш. Чегер-Арджи) Черноморского района Республики Крым. Могильник расположен непосредственно к северу от прибрежного городища Беляус, примыкая к его северному предместью. Раскопки могильника велись Донуэзлавской экспедицией Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея (начальник экспедиции О. Д. Дашевская) в 1967-1979 гг. параллельно с раскопками городища. Памятник датируется в пределах начала II в. до н.э. – середины I в. н.э. и относится к раннему этапу позднескифской археологической культуры (Рис. 1).

Данная работа посвящена изучению культурного своеобразия варварского населения Беляусского городища по материалам некрополя.

В современной социологической науке понятие «культурная стратиграфия» определяется как «иерархически выраженные различия людей, принадлежащих к одной доминирующей культуре, но различающихся субкультурными, речевыми характеристиками, образом жизни, досуговыми и

культурными предпочтениями, если такие различия обусловлены разницей в материальном положении (социальном статусе) людей» (Радаев, Шкартан. 1996. 5).

Сложность выявления культурных различий ярко проявляется на примере Крымского полуострова в античный период. Большое количество различных культурных традиций, связанных с появлением на территории Крыма сначала греческих колонистов, малоазийского населения; варваров-степняков, римских легионеров, а позже и северо-европейских племен в симбиозе с местным населением, создали на территории полуострова сложную этно-культурную обстановку.

Особенно интересным выявление культурной стратиграфии позднескифского общества представляется ввиду того, что для древнего населения позднескифской культуры, этнографическое описание и содержащее соответствующую информацию нарративные источники отсутствуют совсем, или же дошли до нас в неполном варианте. При этом, крайне сложным остается выявление культурных различий внутри позднескифских племен, которые находились под сильным влиянием высокоразвитой эллинистической культуры.

Если говорить о видах археологических памятников по уровню информативности, то на первом месте, безусловно, находятся могильники. Именно на их примере хорошо иллюстрируется культурное своеобразие и сложная внутреплеменная социальная иерархия.

При этом, важно учитывать все факторы: хронологию; топографические данные; конструктивные особенности и типологию погребальных сооружений; характер погребального обряда; погребальный инвентарь; антропологические данные.

Каждый погребальный комплекс в составе могильника характеризует культурные и религиозные традиции позднескифских племен. Выявление

социальных и культурных различий внутри позднескифского населения на примере некрополя Беяуса, является важным аспектом изучения археологической культуры поздних скифов.

Цель работы: Выявить культурную стратиграфию некрополя Беяус.

Задачи работы:

- 1) Применить методику «широких» и «узких» датировок на могильнике Беяус.
- 2) Изучить историческую планиграфию развития некрополя.
- 3) Выделить особенности материальной культуры для различных типов погребальных сооружений могильника Беяус.
- 4) Разработать методику анализа позднескифских погребальных сооружений на материале некрополя Беяус, для дальнейших исследований однотипных памятников Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) и изучения структуры позднескифского общества.

Глава I.

Методика проведения исследования.

Как писал Марк Борисович Щукин: «В истории дата — некая более или менее определённая точка: год, иногда месяц или день. А в археологии дата — это всегда интервал времени, внутри которого размещаются с некой вероятностью исследуемые события и процессы» (Щукин. 1978. 28).

Данное высказывание отражает одну из специфик археологической науки. Целью любого исследования, проводимого специалистом в этой области, в конечном итоге является наиболее достоверная реконструкция исторических реалий. Тем самым, ученый проясняет картину прошлого, освещает «темные пятна» истории, вводя в оборот новые источники. Однако, зачастую, описанной выше конкретной цели археологического исследования достичь так и не удастся. Этот факт связан со многими объективными причинами, главным из которых служит проблема датировки.

Нередко исследователи говорят о прекращении жизни на поселении, допустим, в следствие набега или под воздействием иных факторов, в пределах, например, I в. до. н.э. При этом, во многих случаях становятся понятны причины гибели, намечаются временные диапазоны. Однако, следует помнить, что указанный нами период датировки гибели памятника достигает около 100 лет, в ходе которых могло смениться не только несколько поколений населения, но и могли быть изменены политические события. На самом деле, период гибели памятника может составлять всего несколько дней (Щукин. 1978. 28).

Похожую ситуацию мы можем наблюдать при рассмотрении погребальных памятников Северо-Западного Крыма. Казалось бы, в отличие от тех же самых поселенческих структур, погребение является закрытым комплексом, совершенным в течение одного дня (если не зафиксированы случаи подзахоронения). Вопреки этому, повсеместно мы можем наблюдать, что одна могила может датироваться, например, I в. до н.э. – I в. н.э., т.е. растягивая момент совершения погребальной обрядовой процедуры на одно или же несколько столетий.

Действительно, реконструкция исторических событий представляется при этом весьма затруднительной. Поэтому и в определении археологических дат существенно выделить тот диапазон, в котором исследуемое событие произошло с наибольшей вероятностью. Только в этом случае появится возможность сопоставлять археологические данные с историческими событиями.

Для успешного выполнения поставленных задач этого исследования, при изучении могильника будет применена методика «узких» и «широких» датировок (Щукин. 1978).

С проблемой выявления «узкого» и «широкого» хронологического диапазона в работах, посвященных археологическим памятникам Северо-Западного Крыма (Беляус, Калос Лимен, Кульчук, Чайка, Кара-Тобе, Керкинитида), сталкивались многие исследователи (*Дашевская 1991. 36-58.; Попова. 1999. 153-155.; Попова. 2015. 76-112.; Пуздровский. 1999. 208-225.; Пуздровский. 2007. 16-19.; Высотская. 2003. 38-45.; Шульц. 1971. 127-143; Уженицев. 2006. 13-42.; Внуков. 2010. 37-42.; Антонов. 2016. 178-195. и др.*)

Данный методический подход был впервые полноценно обозначен М. Б. Щукиным в одной из своих опубликованных статей за 1978 г. Однако, до этого момента исследователь не раз прибегал к использованию методики в ряде других своих работ (*Щукин. 1967. 8-13.; Щукин. 1970. 104-113.; Щукин. 1978. 28-33*). В последующее время М. Б. Щукин, опираясь на принятую им методику исследования, неоднократно доказывал ее эффективность на примере своей научной деятельности (*Щукин. 1991. 90-106.; Щукин. 2002. 194-214.; Щукин. 2005.; Щукин. 2011. 167-178*).

Суть обозначенного метода исследования сводится к следующему: при наличии в погребальном комплексе нескольких вещей, мы имеем разные периоды их бытования в культурной среде, допустим от II – до III вв. н. э. Таким образом, мы получаем «широкую» дату – от начала бытования самой ранней вещи, до конца обращения в культуре самой поздней.

Однако, если мы возьмем датировку этих вещей и проследим период их сосуществования, то у нас появится более «узкая» дата, которой с большей вероятностью мы и можем датировать погребение.

Таким образом, относительно некрополя мы можем не только значительно сузить период бытования отдельных комплексов и типов погребальных сооружений, но и всего могильника в целом. Также, у нас появляется возможность получения более информативного представления о развитии исторической планиграфии памятника (в каком направлении рос, какими объективными причинами этот процесс был обусловлен).

В заключении, получение ряда «узких» датировок существования погребальных комплексов могильника Беляус, может дать исследователю определённые преимущества и позволить более детально подойти к сопоставлению дат археологических и исторических, для реконструкции событий прошлого.

В качестве надежного установления хронологического периода бытования в культурной среде как отдельных вещей, так и конкретных типов изделий, в данной работе будут использованы материалы исследований, посвященных разработкам вопросов типологии и датировки бытования различных категорий инвентаря, на территории Северного Причерноморья в позднескифское время (*Амброз. 1966.; Вязьмитина. 1972.; Арсеньева. 1977.; Алексеева. 1975., 1978., 1982.; Щеглов. 1978.; Михлин. 1980. 194-213.; Новиченкова. 2000. 154-167.; Зайцев. 2003.; Храпунов. 2004.; Внуков. 2006.; Егорова. 2007. 313-337.; Симоненко. 2008; Кропотов. 2010.; Дашевская. 2014. и т.д.*).

При рассмотрении второй части работы, связанной с выявлением признаков, маркирующих социально-культурные различия внутри позднескифского общества, универсальная методика отсутствует.

Погребальный обряд является сложным комплексом элементов и погребальных действий, совершаемых родственниками, как над телом покойного, так и над местом погребения. Для его полного исследования требуется разработать конкретные методические указания, руководствуясь которыми можно наиболее полноценно систематизировать полученные в результате раскопок древних захоронений материалы (*Краснов. 2012. 744*).

Не принимая в расчет размер выборки, будь то группа погребений, некрополь, или же десятки могильников, конечные задачи, поставленные ученым неизменны. Это выявление типов погребальной обрядности и их интерпретация. Обязательным условием при решении этих задач становится определение структуры погребального памятника и обряда. Помимо прочего, обязательным также является подборка достоверно работающих методик исследования для всех видов доступных источников (*Лагуткина. 2010. 20*).

На сегодняшний день в археологической науке разработаны и применяются различные методы исследования погребального обряда: типологический, формализовано-статистический, математический, компьютерного анализа и реконструкции (Краснов. 2012. 744).

В значительном большинстве случаев при оценке общественного положения конкретного человека проявляются общие, особенные и индивидуальные черты.

Общие черты – это черты, с помощью которых общество показывало, что человек является «своим», включенным в общество, и которое он разделял с остальными членами социума.

Особенные черты – это черты, которые ставили человека в определенные отношения с другими членами социума, отделяли от одних и объединяли с другими, обладающих сходным социальным статусом. Этот статус мог определяться в зависимости от разнообразных условий:

- 1) Политического положения, участия во властных/престижных структурах (например, элита-аппарат власти - не принимающие участия в политике – политические противники)
- 2) Правового положения (знать - свободные - частично свободные - несвободные – рабы)
- 3) Экономическое положение (богатые - средний слой - бедные - обнищавшие)
- 4) Рода занятий (крупные землевладельцы - свободные общинники - воины - ремесленники- торговцы - крестьяне - нищие)
- 5) Этнической принадлежности (господствующей в данном обществе этнос- чужой этнос, но признаваемый допустимым и близким по статусу- чужой этнос, считающийся ниже по статусу)
- 6) Происхождение (местные - принятые чужаки- беженцы)

7) Религиозной принадлежности (местная общепринятая религия – мало распространенная, но допускаемая религия – отвергаемая в данном обществе религия)

8) Возраста и социальной роли (взрослые мужчины - пожилые заслуженные мужчины/замужние женщины - старые мужчины/молодые незамужние женщины – мальчики-подростки/старые женщины- дети – больные/инвалиды)

Кроме того, на оценку социального статуса человека могли влиять его индивидуальные черты: особенности характера, внешний вид, близость к персоне правителя/влиятельного человека и т.п.

Любые из перечисленных особенностей могли оказывать воздействие на формирование погребального комплекса конкретного индивидуума. Поэтому его социальное положение можно предположить только в результате сравнительного анализа всех погребений одного некрополя и выявления системы его функционирования и развития (*Мордвинцева. 2012. 48-49*).

В результате мы приходим к тому, что, только проанализировав и сопоставив все данные по некрополю, мы сможем получить те выводы, на основании которых будут строиться в дальнейшем наши представления о культурном своеобразии общества, оставившего могильник. При этом, очень важная роль отводится методике фиксации при проведении полевых работ. Ведь от качества фиксации зависит тот уровень информативности, который можно использовать при дальнейшей аналитической работе с источником.

Однако, следует всегда учитывать, что реконструкция тех или иных погребально-поминальных действий, социально-культурных различий индивидов, при потере традиционных объяснений (мифы, религия, этнографические материалы и т.д.) весьма затруднительна, или же во многих случаях почти невозможна (*Ольховский. 1999. 116*). Также, необходимо

строго усвоить, что при изучении могильного комплекса, мы имеем дело именно с погребальным инвентарем, который не всегда прямо иллюстрирует прижизненный статус погребенного (*Каменецкий.1999.140*). Иными словами, при выявлении, а тем более при реконструкции социальных аспектов общества, исследователь неизбежно прибегает к искажению факторов погребального обряда. Следовательно, поэтому работа в этой среде носит довольно противоречивый и спорный характер.

В качестве методической базы второй части работы будут применены разработки недавних лет, связанные с исследованиями культурных различий внутри древних обществ и опирающиеся на данные материальной культуры (*Бунятян. 1985.; Железчиков, Барбарунова. 51-58. 1993; Ольховский. 85-99. 1995.; Кызласов. 99-104. 1995.; Федосова. 104-112. 1995.; Берлизов, Винидиктов. 135-145. 2000.; Харке, Савенко. 217-226. 2000.; Тишкин. 2003.; Крадин и др. 2005.; Краснов. 744-747. 2012.; Маковская. 2014. 215-230.; Храпунов, Стоянова. 2014. 176-199.; Гришаков, Давыдов. 96-106. 2013.; Берлизов, Пьянков. 12-13. 2015.; Ворошилов, Ворошилова. 16-19. 2015.; Гапкало. 26-28. 2015.; Мордвинцева. 2015. 115-142. 2015.; Мордвинцева. 251-259. 2016.; Мордвинцева. 189-196. 2016. и др.*).

Глава II.

Хронология могильника.

В результате произведенных работ на территории Беляусского некрополя было изучено 177 погребальных сооружений, из них: 58 земляных склепов (включая 4 двухкамерных); 93 подбойные могилы; 19 грунтовых ям; 4 каменных склепа; 2 трупосожжения в амфорах и 1 детское захоронение, совершенное по обряду ингумации в амфоре. Всего было выявлено около 643-х костяков. Нумерация земляных могил велась последовательно в порядке их обнаружения (№№1-171). Отдельную нумерацию получили трупосожжения №1 и №2 и каменные склепы (№№1-4). Автор раскопок датирует памятник II в. до н.э. – серединой I в. н.э. (Дашевская. 2014. 7). Основанием передатировки памятника послужило желание сузить хронологию, как отдельных погребальных комплексов, так и всего могильника в целом, для более точной реконструкции исторических событий. Помимо этой причины, несмотря на тот факт, что монография О.Д. Дашевской, посвященная могильнику Беляус, была опубликована в 2014 г., большинство ссылок на датировку комплексов восходят еще к моменту работ на некрополе, т.е. к 1970-м гг.

II.1. Однокамерные земляные склепы.

Мои́ла №2. Захоронено не менее 6-ти человек.

При рассмотрении материалов данного погребения были определены: глазчатая синяя бусина с треугольными глазками (Алексеева. 1975. тип 129в), датирующаяся концом I в. до н.э.; гагатова́я стреловидная подвеска (Алексеева. 1978. тип 84), датирующаяся в целом I в. н.э., мисочка с

оранжевым лаком (*Погребова. 1961. рис. 30/7*), датирующаяся втор. пол. I в. до н. э.

Обломок ножного браслета с завязанными концами имеет аналогии среди находок некрополя Херсонеса Таврического. Подобные браслеты были выделены В.М. Зубарем в Тип 1- круглопровочные браслеты, концы которых привязаны к спинке несколькими витками (раздвижные браслеты). Данный тип был зафиксирован на территории могильника Херсонеса с монетами и инвентарем первых веков н.э. (*Зубарь. 1982. 94. рис 61/1-7*). Следует отметить, что данный тип изделий получил широкое распространение в кон.Пв. до н.э. – в нач. II в. н.э. В заполнении погребальных комплексов в период с кон. II– I вв. до н.э. эти браслеты были зафиксированы в большинстве своем на ногах, нежели на руках. В последующее время, эта тенденция становится противоположной (*Высотская. 1994. 110. тип III*).

Таким образом, используя методику «узких» датировок можем предполагать, что могила №2 датируется рубежом н.э.

Могила №5. Захоронено 8 человек.

При рассмотрении материалов данного погребения были определены: бронзовая среднелатенская фибула со скрепкой, датирующаяся I в. до н.э. (*Амброз. 1966. таб.2/7*); блюдо из красного лака, датирующееся кон. II в. до н.э. – нач. I в. до н.э. (*Зайцев. 2003. рис. 60/5*); кувшин красного лака, датирующийся I в. до н.э. (*Корпусова. 1983. таб. 5*); алабастр из темно-синего и голубого «финикийского стекла» с перистым орнаментом, датирующийся пер. пол. I в. до н.э. (*Дашевская. 2014. 20, 26*); наконечник копья с ромбическим пером имеет близкие аналогии с находкой из могилы 59 Усть-Лабинского могильника, датирующийся II в. до н.э. (*Симоненко. 2009. рис. 46/2*); лепные сапожковые светильники имеют близкие аналогии среди находок из кургана №159 у с. Парканы, датирующиеся II в. до н.э. (*Синика, Тельянов. 2015. 195. Рис. 2/16*).

Округлые поперечно сжатые из прозрачного синего стекла с сине-белыми глазками бусины, датирующиеся втор. пол. II - пер. пол. I (Мульд. 2015. 118. рис. 2/8г). Бусина цилиндрическая из синего стекла с орнаментом из белых фестонов и желтых полос на торцах, датирующиеся II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 341).

Таким образом, можно предположить, что могила №5 датируется пер. трет. I в. до н.э.

Могила №6. Захоронено 8 человек.

При рассмотрении данного погребения прямых аналогий, найденным подвескам, выполненным в виде зооморфных голов быков найти не удалось. Однако, были определены подобные вещи. Бронзовые медальоны в виде треугольной пластины вершиной вниз, с петелькой для подвешивания в верхней части, были зафиксированы в нескольких случаях: подобное изделие было найдено в комплексе Кара-Тобинского некрополя, в могиле, датируемой II-I вв. до н.э. (Внуков. 2001. рис 9/5); описываемый предмет встречен в комплексе некрополя «городища Белинское», в склепе, датируемом I-III вв. н.э. (Зубарев.2013. рис.8/5).

Касательно перстня, то близкий по аналогии ему был найден в святилище Туар-Алан, датированный втор. пол. II – пер. пол. I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. рис 28/1). Округлые поперечно сжатые из прозрачного синего стекла с сине-белыми глазками бусины, датируются втор. пол. II- пер. пол. I вв. до н.э. (Мульд. 2015. 118. рис. 2/8г). Бусина цилиндрическая из синего стекла с орнаментом из белых фестонов и желтых полос на торцах, датируется II-I вв. до н.э.(Алексеева. 1978. тип 341). Цилиндрическая пронизь из бурого стекла, фестоны голубые, гладкие по краям, датируется втор. пол. II –пер. пол. I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 340).

Таким образом, можно предположить, что могила №6 датируется рубежом II-I вв. до н.э.

Могила №7. Захоронено 3 человека.

В однокамерном земляном склепе №7 была зафиксирована бутероль, предположительно, от наконечника ножен. Долгое время считалось, что подобные изделия являлись наконечниками ремней. Однако, в ходе исследований последних лет были выявлены примеры, где в бутероль было вставлено железное лезвие (*Зайцев, Мордвинцева. 2003. 148-149*). В нашем случае, такие треугольные наконечники ножен с шишечкой на конце были найдены в Неаполе Скифском, датирующиеся II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. рис 2/33, 34*). Подвеска из прозрачного светло-зеленого стекла в виде дельфинчика имеет прямые аналогии в могильнике Золотая балка (только на данном могильнике подвеска синего цвета). Подобные подвески с территории Северного Причерноморья не выходят за пределы I в. н.э. (*Вязьмитина. 1972. 141. рис. 35, 2*).

Бусы округлые из полупрозрачного лилового стекла с поперечной белой полосой, датируются I в. до н.э. – началом I в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 142*). Цилиндрические бусы из синего стекла, обвитые спиралями из глухового бирюзового или голубого стекла, датирующиеся I в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 218 б*).

Таким образом, можно предположить, что могила №7 датируется пер. чет. I в. н.э.

Могила №10. Захоронено 8 человек.

В этом погребальном комплексе был найден краснолаковый кувшин с высоким горлом, плавно отогнутым венчиком, яйцевидным туловом на кольцевом поддоне, с петлевидной ручкой. Данный экземпляр имеет близкие аналогии с территории Булганакского могильника, который датируется пер. пол. I в. н.э. (*Шапцев. 2014. рис. 4/11*). Обозначенный О. Д. Дашевской как сапожковый светильник имеет близкие аналогии из «дома Хрисалиска». Однако, Д. В. Журавлев считает, что эта аналогия - лепная имитация

светильника типа «кувшинчика», датированная на всем протяжении I в. до н.э. (Журавлев. 2010. рис. 5). Касательно лепной курильницы в виде кубка с дырочкам, то прямые аналогии ей были найдены в некрополе Неаполя скифского. Датируется она I в. до н.э. – I в. н.э. (Сымонович. 1983. таб. IV/8). Бронзовые разомкнутые браслеты с биконическими шишечками на концах находят аналогии в классификации Т.Н. Высотской (тип II) (Высотская. 1994. 110). Также, подобные вещи были обнаружены в заполнении могилы №1 могильника Лучистое II. Эти браслеты получили широкое распространение в I - начале II вв. н.э. (Лысенко. 2015. 310. Рис. 8/1, 2). Эту же датировку подтверждает аналогичная находка из «Тевельских» курганов (Труфанов. 2004. 135.рис. 1/11).

Шарнирная фибула-брошь в виде пчелы датируется пер. пол. I в. н.э. (Михлин. 1980. 209). Округлые поперечно сжатые из прозрачного синего стекла с сине-белыми глазками бусины, датируются втор. пол. II- пер. пол. I вв. до н.э. (Мульд. 2015. 118. рис. 2/8г). Поперечно сжатые, округлые бусы из глухого и прозрачного грязновато синего стекла. Глазки плотно примыкают друг к другу, расположены в шахматном порядке. Датировка – конец I в. до н.э. (Алексеева. 1975. тип 129).

Таким образом, можно предположить, что могила №10 датируется пер. пол. I в. н.э.

Могила №12. Захоронено 16 человек.

Найденная в заполнении могилы бронзовая железная пряжка с длинным подвижным язычком типа сюльгамы, имеет прямые аналогии из заполнения нижнего яруса земляного склепа №96 могильника Левадки. Нижний ярус этого погребального сооружения датируется автором раскопок в пределах посл. чет. – кон. I в. до н.э. (Мульд, Кропотов. 2013.122. рис 4,10). Наконечник копья с листовидным пером весьма трудно поддается датировке. Подобные артефакты были найдены в могильнике Садово.

Датировка этих наконечников довольно широка, но появляются они во II-I вв. до н.э. (*Симоненко.2009.74. тип 2 б*). Найденные в могиле две черешковые трехлопастные железные стрелы можно датировать по аналогичным предметам, обнаруженным в одном из погребальных комплексов Неаполя Скифского. Их датировка – пер. пол. I в. до н.э. (*Пуздровский. 2002. 169*).

Браслеты со змеевидными головками Т.Н. Высотская независимо от их дополнительного декора объединила в тип IX, датировав наиболее ранние материалы I в. до н.э. – I в. н.э. (*Высотская. 1994. 112*). Краснолаковая миска из погребения имеет аналогии из Неаполя Скифского. Датруется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2003. Рис 59/7*).

Таким образом, можно предположить, что могила №12 датруется I в. до н.э.

Могила №13. Захоронено 13 человек.

В данном погребальном комплексе был найден бронзовый перстень с массивным овальным плоским щитком и нечетким оттиском штампа на дужке. Подобный предмет происходит из святилища Туар-Алан. Датировка II-I вв. до н.э. (*Гаврилов, Труфанов. 2014. рис. 28/4*). Найденная бронзовая гривна, из круглой в сечении проволоки в 1,5 оборота с очертаниями в виде змеиной головки на конце и с врезным орнаментом из поперечных насечек, датруется кон. II - I вв. до н.э. (*Стоянова. 2011. 117. рис. 1/2*). Браслеты в два оборота со змеиными головками на концах могут быть датированы II-I вв. до н.э. (*Труфанов. 2001. 72. рис. 1/2-5*). Бронзовой пряжке в виде кольца с двумя тройными шишечками с неподвижным крючком, выполненным в виде стилизованной головы животного, прямых аналогий найти не удалось. Однако, подобные изделия были встречены на территории Крыма и Северного Причерноморья (но только без шишечек), датирующиеся II в. до н.э. (*Зайцев. 2011. 589.рис. 1/9*).

Красноглиняный флакон имеет прямые аналогии из слоя D Южного дворца Неаполя Скифского, датирующегося втор. пол. II вв. до н.э. (Зайцев. 2003. 14. рис. 58/8). Подобный краснолаковой миске с изогнутыми не прижатыми ручками из могилы №13 артефакт, был найден из слоя горизонтов E/D Южного дворца Неаполя Скифского, датирующегося втор. пол. II вв. до н.э. (Зайцев. 2003. 14. рис. 59/7). Еще одна краснолаковая миска на кольцевом поддоне имеет прямые аналогии из материалов исследования северной части зольника №3 Неаполя Скифского. В этой части зольника остатки строительного и бытового мусора напрямую перекрывали слой горизонтов E/D, датирующегося втор. пол. II в до н.э. (Зайцев. 2003.19.рис. 99/11). Лекифообразный кувшин с красным ангобом имеет аналогии из мавзолея Неаполя скифского, датируется кон. II в. до н.э. (Погребова. 1961. рис. 13/3).

Укороченный цилиндрок, полностью покрытый бугорками, размещенными в трех смыкающихся поперечных рядах. К сожалению, датировка данного типа бус довольно широка, и охватывает все позднескифское время (Алексеева. 1978. 32. тип 18). Цилиндрическая пронизь из бурого стекла, фестоны голубые, гладкие по краям, датирующуюся втор. пол. II –пер. пол. I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 340). Пронизи ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий имеют точные аналогии из могильника Фонтаны (Стоянова. 2008. 22. тип 51). Можно предположить, что на данную территорию подобные изделия пришли с территории Боспора. Датировка данного типа бус довольно широка III в. до н.э. – II в. н.э. Аналогичные украшения были зафиксированы в погребальных комплексах III-II вв. до н.э. в Танаисе, Тирамбе, Фанагории, Золотинском некрополе (Алексеева. 1978. 14. тип 27a).

Таким образом, можно предположить, что могила №13 датируется рубежом II-I вв. до н.э.

Могила №17. Захоронено 7 человек.

Лепная неорнаментированная курильница скелета № I с раздутым туловом, на котором находятся сквозные отверстия, датируется рубежом II-I вв. до н.э. (*Синика. 2014. 77. рис. 11/11*). Схожие изделия этого же времени были найдены среди материалов Неаполя Скифского (*Зайцев. 2003. 182. рис. 111/15*). Краснолаковая миска на поддоне скелета №VII, имеет близкие аналогии из кургана №3 у с. Астанино, датирующегося пер. пол. I в. до н.э. (*Кропотов. 2015. 18. рис. 1/9*). Фибула-брошь с круглым щитком и железным стержнем из сдвинутых костяков, датируется конц. II в. до н.э. (*Михлин. 1980. 207-208. рис. 8/7*). Бронзовый поясной крюк, у которого отсутствует Т-образное крепление для ремня, а оба конца загнуты в крюки, из сдвинутых костяков, может датироваться II-I вв. до н.э., по аналогии из погребений Тираспольской группы (*Зайцев. 2011. 587. рис 1/14*). Бронзовый браслет с заходящими концами имеет аналогии из могилы №12 некрополя городища «Белинское». Данные браслеты известны в северопричерноморских памятниках I-II вв. н.э. Однако, в сарматских комплексах они встречаются и в I в. до н.э. (*Зубарев. 2013. 167. рис 6/12*). Красноглиняный веретенообразный флакон скелета № VII имеет аналогии среди находок Неаполя Скифского. Датировка кон. II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 161. рис. 91*).

Таким образом, можно предположить, что могила №17 датируется пер. трет. I в. до н.э.

Могила № 20. Захоронено 4 человека.

Железный втульчатый трехлопастной наконечник стрелы, скелета №2, датируется III- кон. II вв. до н.э. (*Дашевская. 1991. 34*). Аналогичные рыбные блюда с концентрическими полосами черного лака, скелета №3, были найдены на могильнике в склепах №№13,39. Датируются они втор. пол. – посл. чет. II в. до н.э. (*Дашевская. 2001. 91*). Большая бронзовая фибула зарубинецкого типа, скелета №1, была встречена в погребальных комплексах II в. до н.э. (*Михлин. 1980. 201-202. рис. 5/3*).

Таким образом, можно предположить, что могила №20 может датироваться втор. пол.– посл. чет. II в. до н.э.

Могила № 21. Захоронено 4 ребенка.

Бронзовый браслетик, принадлежащий скелетам младенцев I или II, имеет близкие аналогии из комплекса нижнего яруса склепа №96 могильника Левадки, датируемого посл. четв. - кон. I в. до н.э. (*Мульд, Кропотов. 2013. 122. рис. 4/1*). Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, датируются II - кон. I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 37*). Округлые бусы из глухого бирюзового стекла с гладкими краями отверстий, датируются II-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 13*).

Таким образом, датировать могилу №21 достаточно затруднительно. С одной стороны, в широком плане погребальный комплекс можно датировать широко II-I вв. до н.э. С другой стороны, опираясь на близкие аналогии бронзового браслетика и пронизи типа 37, можно предположить, что могила датируется посл. чет.- кон. I в. до н.э.

Могила № 27. Захоронено 6 детей.

Бронзовый браслет из овальной в сечении проволоки с разомкнутыми концами, принадлежащий скелету № VI, имеет близки аналогии из материалов святилища Туар-Алан. Датировка II-I вв. до н.э. (*Гаврилов, Труфанов. 2014. 101. рис. 34/4*). Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Жан-Баба. Датируется I-II вв. н.э. (*Ланцов и др. 2015. 162. рис. 28/9*). Бусина в форме мягкого цилиндрика из глухого грязно-синего стекла с белой полосой и восьмью сине-белыми глазками, датируется II-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 356*). Фрагмент лепной курильницы, происходящий из забутовки дромоса, можно датировать II-I вв. до н.э., исходя из аналогий, найденных на территории Крымского полуострова

(Синика и др. 2014. 77. рис 11/9-12). Фрагмент алабастра из темно-синего и голубого «финикийского стекла» с перистым орнаментом, происходит из забутовки дромоса, и датируется пер. пол. I в. до н.э., по аналогии с находкой из могилы №5 Беяуса (Дашевская. 2014. 20, 26). Шаровидная поперечно-сжатая ребристая из глухого стекла бусина, из сдвинутых погребений, датируется II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 148). Перстень бронзовый цельнометаллический с выделенным щитком для вставки стекла, найденный при сдвинутых костяках, датируется I в. до н.э. (Лысенко. 2015. 312. рис. 4/10).

Таким образом, могилу №27 можно датировать широко II-I вв. до н.э. Из этой датировки, однако, выбивается бронзовая серьга, датируемая I-II вв. н.э. Скорее всего, можно предположить, что данный тип этих вещей бытовал довольно долгое время. Наиболее достоверная дата пер. пол. I в. до н.э.

Могилы №29. Захоронено 3 человека.

Прямоугольная бронзовая пряжка с вогнутыми продольными сторонами и стилизованными утиными головками-выступами, принадлежащая скелетам I или II, датируется II-I вв. до н.э. За пределами Крыма подобные пряжки известны на территории вдоль Дуная от Балкан до Швейцарии (Зайцев. 2011.589. рис. 2/1-4). Соединители ремней бронзовые в виде кольца с двумя зажимами из двух перегнутой пластин с заклепками, принадлежащие одному из двух первых скелетов, имеют близкие аналогии из материалов исследования святилища Туар-Алан. Датировка вто. пол. II-I вв. до н.э. (Гаврилов.2014. 97. рис. 30/6, 9). Краснолаковое блюдо с двумя концентрическими кругами штампованных насечек и с отверстием для подвешивания, принадлежащее скелету III, датируется кон. – рубежом II-I вв. до н.э., исходя из аналогий надежно датированных погребальных комплексов №№ 5; 13; 170 некрополя Беяуса (Дашевская. 2014. 27). Умбовидная нашивная бронзовая бляшка, принадлежащая скелету III, может датироваться II в. до н.э., по аналогии из Неаполя Скифского (Зайцев. 2003.

рис. 89/22). Таким образом, можно предположить, что могила №29 может датироваться рубежом II-I вв. до н.э.

Могила №31. Захоронено 13 человек.

Лепная чернолощенная курильница с резным орнаментом из солярных знаков и елочек, с отверстиями на тулове и двумя – на горле для подвешивания, принадлежащая скелету X, датируется II-I вв. до н.э. (*Синика и др. 2014. 80. рис 12/1*). Бронзовый перстень с овальным щитком без орнамента, из материалов сдвинутых скелетов, по форме напоминает аналогичную вещь из святилища Туар-Алан. Датировка II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 92. рис. 28/5*). Двуручная краснолаковая миска имеет близкие аналогии из Южного дворца Неаполя Скифского, и датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 14. рис. 59/7*). Бронзовый браслет в виде змеиных стилизованных головок, из материалов сдвинутых погребений, имеет близкие аналогии из Неаполя Скифского периода E. Датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 27. рис. 95, 9*). Краснолаковая тарелка, принадлежащая скелету XI, имеет близкие аналогии из Неаполя Скифского. Датируется втор. пол. II вв. до н.э. (*Зайцев. 2003. 28. рис. 60, 5*).

Таким образом, можно предположить, что могилу №31 можно датировать, в целом, втор. пол. II в. до н.э.

Могила №35. Захоронено 10 человек.

Бронзовые браслеты в полтора оборота, принадлежащие скелету X, имеют близкие аналогии из комплекса нижнего яруса склепа №96 могильника Левадки, датируемого пос. чет. – кон. I в. до н.э. (*Мульд, Кропотов. 2013. 122. рис. 4/2*). Подобные браслеты были выделены В.М. Зубарем в Тип 1- круглопровочные браслеты, концы которых привязаны к спинке несколькими витками (раздвижные браслеты). Данный тип был зафиксирован на территории могильника Херсонеса с монетами и инвентарем первых веков н.э. (*Зубарь. 1982. рис 61/1-7*). Следует

отметить, что данный тип изделий получил широкое распространение в кон. II в. до н.э. – в нач. II в. н.э. В заполнении погребальных комплексов в период с кон. II– I вв. до н.э. эти браслеты были зафиксированы в большинстве своем на ногах, нежели на руках. В последующее время, эта тенденция становится противоположной (*Высотская. 1994. 110. тип III*). Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, принадлежащая скелету X, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба, датируется I-II вв. н.э. (*Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9*). Однако, как было показано на примере могилы №27, данный тип изделий имеет довольно широкую датировку, заходя во II в. до н.э.

Бронзовый медальон, зафиксированный на груди скелета №10, имеет близкие аналогии из мавзолея Неаполя Скифского. Датировка кон. II в. до н.э. – нач. I в. до н.э. (*Зайцев. 2003. рис. 93/8*). Округлые ребристые бусы из бесцветного прозрачного стекла, принадлежащие скелету IX, датируются очень широко III-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 152*). Бронзовая фибула, принадлежащая скелету X, датируется пер. пол. I в. до н.э. (*Михлин. 1980. 201. рис. 4/8*).

Таким образом, можно предположить, что могила №35 может датироваться кон. II в. до н.э. – нач. I в. до н.э.

Могила №36. Захоронено 7 детей.

Бронзовые проволочные браслеты с разомкнутыми концами, зафиксированные на руках скелетов VI и VII, имеют аналогии из святилища Туар-Алан. Датировка II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 99. рис. 32/6*). Ромбовидная подвеска датируется II в. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 165*). Бронзовый двухвитковый браслет имеет аналогии из могильника Левадки катакомбы 17 погребения III. Датировка – пос. чет. II в. до н.э. (*Храпунов. 2004. 283. рис. 8/4*).

Таким образом, можно предположить, что могила №36 может датироваться пос. чет. II в. до н.э.

Могила №38. Захоронено 16 человек.

Бронзовые пряжки в виде кольца с неподвижным выступом, оформленным в виде утолщения-«кнопки», по бокам от которой расположены заостренные выступы – «крылья». Датировка середина I в. до н.э. (Зайцев. 2011. 589. рис. 2/12, 13). Соединители ремней бронзовые в виде сдвоенных колец с зажимами из перегнутой пополам пластины с заклепками. Датировка втор. пол. II-I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. 97. рис. 30/1).

Бронзовые проволочные браслеты с разомкнутыми концами, из сдвинутых скелетов, имеют аналогии из святилища Туар-Алан. Датировка II-I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. 99. рис. 32/6). Браслеты в два оборота со змеиными головками на концах могут быть датированы II-I вв. до н.э. (Труфанов. 2001. 72. рис. 1/2-5). Тарелка с металлическим лаком, из сдвинутых скелетов, может датироваться первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff. 1997. 318). Сероглиняное блюдо, зафиксированное среди сдвинутых костяков, может датироваться кон. II-нач. I вв. до н.э. (Rotroff. 1997. 328). В однокамерном земляном склепе №38 была зафиксирована бутероль от наконечника ножен (Зайцев, Мордвинцева. 2003. 148-149). В нашем случае, такие треугольные изделия с шишечкой на конце были найдены в Неаполе Скифском, и датируются II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. рис 2/33, 34).

Мегарская чаша с изображением шестилепестковых розеток в бордюре, из сдвинутых погребений, была встречена среди материалов Кульчукского городища. Датировка трет. Чет. II в. до н.э. (Ланцов, Шапцев. 2016. 401. рис. 4, 6). Также, эту дату подтверждает находка, происходящая из городища Булганак (Шапцев. 2008. 330. рис. 3,5). Красноглиняный веретенообразный флакон из сдвинутых скелетов, имеет аналогии среди находок Неаполя скифского. Датировка кон. II в. до н.э. (Зайцев. 2003.161. рис. 91). Имитации

двух светильников типа «кувшинчика», зафиксированных в районе костяков XII-XV, датируются I в. до н.э. Эту дату может подтверждать аналогичная находка из дома Хрисалиска в Херсонесе (*Журавлев. 2010. 270. рис. 5*). Кувшинчиковый светильник, имеющий ручку в виде выступа, скелета XV, датируется II в. до н.э. Аналогичный предмет происходит из Херсонеса (*Chrzanovski, Zhuravlev. 1998. 45*). Подобный краснолаковой миске с изогнутыми не прижатыми ручками из могилы №38 артефакт, был найден из слоя горизонтов E/D Южного дворца Неаполя Скифского, датирующегося втор. пол. II вв. до н.э. (*Зайцев. 2003. 14. рис. 59/7*). Браслеты, произведенные из витой проволоки и обнаруженные при сдвинутых костяках, фиксируются довольно широко. В основном, пик их распространения приходится на первые века нашей эры. Однако, подобные изделия зафиксированы во время II-I вв. до н.э. (*Зубарь. 1982. 99. Рис 61/18*).

Железный кинжал скелета XVI, можно датировать I в. до н.э. (*Хазанов. 1971. 17. табл. 2*). Таким образом, можно предположить, что могила №38, может датироваться, с учетом такого большого количества погребенных, сер. II – сер. I вв. до н.э.

Могила №39. Захоронено 7 человек.

Серебряная серьга в виде шишковатого конуса (палицы Геракла) с львиной мордой в основании и с бусиной на дужке, принадлежащая скелету II, имеет множество ей аналогий. Например, изготовленная из медной проволоки, а после же обмотанная золотой фольгой серьга, с головкой льва (только на месте «палицы Геракла» (как в нашем варианте), напаянное медное кольцо, отделяющее голову льва от «шеи»), происходит из материалов восточного некрополя Фанагории. Датировка фанагорийской находки – сер. III в. до н.э. (*Медведев. 2013. 316. рис. 9/1*). Еще одну аналогии этому предмету можно привести из могилы №262 некрополя Танаиса, датируемой нач. II в. до н.э. (*Арсеньева. 1977. 81. рис 30/4*). Наиболее близкая аналогия происходит из Неаполя, датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Зайцев.*

2003. 165. *рис. 95/3*). Также, из слоя пожарища на территории цитадели позднескифского памятника Кара-Тобе, происходит браслет, с оформлением на концах в виде двух головок львов. Слой пожарища датируется нач. I в. н.э. Сам же предмет, близкий по стилистике рассматриваемому нами, был произведен в кон. I в. до н.э. (*Внуков. Мордвинцева. 2008. 120. рис. 1*).

Тарелка чернотаковая, принадлежащая скелету II, имеет близкие аналогии из слоя D Неаполя Скифского, датирующегося посл. третью II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 130. рис. 60/8*). Круглая пряжка в виде кольца с неподвижным крюком, оформленным в виде стилизованной головы животного, принадлежащая скелету VII, датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Зайцев. 2011. 589. рис. 2/8, 9*). Прямоугольная бронзовая пряжка с вогнутыми продольными сторонами и стилизованными утиными головками-выступами, принадлежащая скелету II, датируется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. 589. рис. 2/1-4*). Треугольный наконечник с шишечкой на конце, принадлежащий скелету II, датируется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. рис. 2/33, 34*). Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, датируются II- кон. I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 37*).

Таким образом, можно предположить, что могила №39 датируется посл. трет. II вв. до н.э.

Могила №40. Захоронено 13 человек.

Бронзовая фибула со скрепкой, зафиксированная среди сдвинутых костяков, датируется посл. четв. II – нач. I вв. до н.э. (*Михлин. 1980. 197-198*). Посл. трет. II в. до н.э. датируется меч сарматского типа с прямым перекрестием и кольцевым навершием, принадлежащий скелету XI (*Хазанов. 1971. 12; Симоненко. 2008. 35. рис. 19/1*). Бронзовая монета Тиры, обнаруженная среди сдвинутых скелетов, можно датировать посл. четв. II в. до н.э. – пер. пол. I в. до н.э. (*Фролова. 2006. тип 31*). Ведерковидная

подвеска, принадлежащая скелету XII, датируется пер. пол. I в. до н.э. (Дашевская. 1991. 38).

Сероглиняная чаша с канелюрами на тулове, зафиксированная среди сдвинутых костяков, имеет близкие аналогии из кургана №1 близ с. Астанино. Датировка - пос. чет. II – пер. пол. I вв. до н.э. (Кропотов. 2015. 21. рис. 1/7). Краснолаковая миска, найденная среди сдвинутых костяков, имеет близкие аналогии из кургана №1 близ с. Астанино. Датировка - начало/пер. пол. I в. до н.э. (Кропотов. 2015. 21. рис. 1/9). Круглая пряжка в виде кольца с неподвижным крюком, оформленным в виде стилизованной головы животного, принадлежащая одному из сдвинутых костяков, датируется втор. пол. II в. до н.э. (Зайцев. 2011. 589. рис. 2/8, 9). Серебряная серьга подобна находке из склепа №39 (Медведев. 2013. 316. рис. 9/1; Арсеньева. 1977. 81. рис. 30/4). Треугольный наконечник ножен с шишечкой на конце, принадлежащий скелету II, датируется II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. рис. 2/ 34). Краснолаковое блюдо с двумя концентрическими кругами штампованных насечек, принадлежащее скелету XIII, имеет близкие аналогии из Неаполя Скифского. Датировка – пос. чет. II в. до н.э. (Зайцев. 2003. 129. рис. 59/9).

Таким образом, можно предположить, что могила №40 может датироваться пос. чет. II – пер. пол. I вв. до н.э.

Могила №49. Захоронено 8 человек.

Краснолаковая миска, принадлежащая скелету III, имеет близкие аналогии из кургана №1 близ с. Астанино. Датировка - начало/пер. пол. I в. до н.э. (Кропотов. 2015. 21. рис. 1/9). Краснолаковое блюдо, принадлежащее скелету VII, имеет близкие аналогии из Неаполя Скифского. Датировка – пос. чет. II в. до н.э. (Зайцев. 2003. 130. рис. 60/5). Бусина цилиндрическая из синего стекла орнаментом из белых фестонов и желтых полос на торцах. Датировка - II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 341).

Таким образом, можно предположить, что могила №49 датируется кон. II – нач. I вв. до н.э.

Могила №50. Захоронено 11 детей.

Медная херсонесская монета-подвеска, изображающая коленоприклоненную Деву-грифона, обнаруженная среди сдвинутых материалов, датируется IV в. до н.э. (*Зограф. 1951. 57. рис 25/18*). Округлые поперечно сжатые из прозрачного синего стекла с сине-белыми глазками бусины, датирующиеся втор. пол. II- пер. пол. I вв. до н.э. (*Мульд. 2015. 118. рис. 2/82*). Бусина цилиндрическая из синего стекла с орнаментом из белых фестонов и желтых полос на торцах, датирующиеся II-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 341*). Шаровидная поперечно-сжатая ребристая из глухого стекла бусина, датируется II-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 148*).

Таким образом, можно предположить, что могила №50 датируется в пределах II-I вв. до н.э.

Могила №53. Захоронено 20 человек.

Мегарская чаша, зафиксированная среди сдвинутых погребений, датируется сер. – трет. чет. II вв. до н.э. (*Ланцов. 2016. 399. рис. 5/7*). Имитации двух светильников типа «кувшинчика», зафиксированных у костяка XX, восходят ко всему период I в. до н.э. Эту дату может подтвердить аналогичная находка из дома Хрисалиска в Херсонесе (*Журавлев. 2010. 270. рис. 5*). Лепная неорнаментированная курильница с раздутым туловом, из сдвинутых костяков, датируется II-I вв. до н.э. (*Синика и др. 2014. 77. рис. 11/12*). Треугольный наконечник, принадлежащий сдвинутым костякам, датируется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. рис 2/ 34*). Фибула среднелатенской схемы, найденная среди сдвинутых костяков, датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Храпунов. 2004. 255. рис. 12/17*). Подобный краснолаковой миске с изогнутыми не прижатыми ручками из могилы №38 артефакт, был найден из слоя горизонтов E/D Южного дворца Неаполя

Скифского, датирующегося втор. пол. II вв. до н.э. (Зайцев. 2003. 14. рис. 59/7). Буролаковые чаши, из сдвинутых погребений, скорее всего, восходят к III в. до н.э. (Дашевская. 2014. 35. рис. 80/1-3). Бронзовая гривна, круглой в сечении проволоки с заходящими концами, зафиксированная среди сдвинутых погребений, датируется II в. до н.э. (Стоянова. 2008. 118. тип 3).

Таким образом, можно предположить, что могила № 53 датируется II-нач. I вв. до н.э.

Могила №61. Захоронено 11 человек.

Мегарская чаша, принадлежащая скелету VII, имеет аналогии из подъемного материала Кульчукского городища. Датировка сер.- трет. чет. II в. до н.э. (Ланцов. 2016. 398. рис 3/2). Медальон с изображением Афродиты, принадлежащий скелету V, прямых аналогии не имеет. Однако, близкий по стилистике медальон был найден в Артюховском кургане, втор. пол. II в. до н.э. (Алексеева. 2014.19. рис. 12.). Треугольный наконечник ножен, принадлежащий сдвинутым костякам, датируется II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. рис 2/32). Керамический флакон имеет аналогии из погребения мавзолея Неаполя, датирующегося кон. II в. до н.э. (Зайцев. 2003. 15. рис. 91/6). Краснолаковая миска, принадлежащая скелету IX, датируется рубежом II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2003. 19. рис. 99/11).

Таким образом, могила №61 датируется втор. пол. II в. до н.э.

Могила №64. Захоронено 8 человек.

Имитация светильника типа «кувшинчика», зафиксированного среди сдвинутых костяков, восходит к I в. до н.э. Эту дату может подтверждать аналогичная находка из дома Хрисалиска в Херсонесе (Журавлев. 2010. 270. рис. 5). Треугольный наконечник, принадлежащий сдвинутым костякам, датируется II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. рис. 2/34). Бронзовый перстень с закрученным в спираль щитком, скелета II, имеет аналогии из могилы №71

Неаполя I-II вв. н.э. (*Пуздровский. 1992. 187. рис. 4/16*). Также, подобный предмет был найден из святилища Туар-Алан II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 142. рис. 28/6*). Копье с втулкой средней длины, скелета VIII, имеет аналогии из могильника Садово. Датировка II-I вв. до н.э. (*Симоненко. 2008. 72. тип 2b*). Кубок-канфар, принадлежащий скелету VII, датируется втор. пол. III-нач. II в. до н.э. (*Парович-Пешикан. 1974.85. рис. 80/3-5*).

Таким образом, могила №64 датируется II-I вв. до н.э.

Могила №71. Захоронено 7 человек.

Мегарская чаша с изображениями Эротов, из сдвинутых погребений, датируется пос. чет. II в. до н.э. (*Диатроптов. 2012.95. рис. 4*). Бронзовое зеркало, найденное среди сдвинутых погребений, имеет аналогии из могильника Неаполя Скифского. Датировка – I в. до н.э. (*Сымонович. 1983. 156.Табл. XXXVII/11*). Бронзовая фибула, принадлежащая костяку VII, имеет близкие аналогии из могильника Фонтаны. Датировка втор. пол. II в. до н.э. (*Храпунов. 2004. 244. рис. 4/15*). Браслет проволочный с заходящими друг за друга, завязанными концами, имеет аналогии из Туар-Алан. Датировка – II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 102. рис. 35/35*).

Таким образом, могила №71 датируется втор. пол. II в. до н.э.

Могила №77. Захоронено 10 человек.

Имитация светильника типа «кувшинчика», зафиксированного у костяка VII, восходит ко I в. до н.э. Эту дату может подтверждать аналогичная находка из дома Хрисалиска в Херсонесе (*Журавлев. 2010. 270. рис. 5*). Краснолаковая миска, из сдвинутых костяков, имеет аналогии из кургана №3 могильника Астанино, датированного втор. пол. I в. до н.э. (*Кропотов. 2015. 22. рис. 1/9*). Аналогии лепному сосуду, принадлежащему скелету VIII, происходят из Туар-Алан, датированного II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 137. рис. 7/2*). Лепной ковш, принадлежащий скелету X,

имеет аналогии из городища Алма-Кермен. Датировка кон. II-I вв. до н.э. (Власов. 2015. 82. рис. 2/5). Продольно вытянутая, усечено бипирамидальная бусина датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева. 1978. 17. тип 57).

Таким образом, могила №77 датируется I в. до н.э.

Могила №84. Захоронено 2 ребенка.

Бронзовый браслет датируется II-I вв. до н.э. (Храпунов. 2004. 244. рис. 4/3). Округлые бусы из глухого бирюзового стекла с гладкими краями отверстий, датируются II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 13). Двудольчатые бусы из глухого черного стекла с желтой спиралью, датируются III в. до н.э. – рубеж н.э. (Алексеева. 1978. 45. тип 223).

Таким образом, могила №84 датируется широко II-I вв. до н.э.

Могила №85. Захоронено 5 детей.

Несомкнутый браслет, найденный среди сдвинутых костяков, датируется II-I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. 101. рис. 34/4). Двудольчатые бусы из глухого черного стекла с желтой спиралью, датируются III в. до н.э. – рубеж н.э. (Алексеева. 1978. 45. тип 223). Зубчатая костяная пронизь датируется II в. до н.э. (Алексеева. 1982. 32. тип 34). Усеченно-биконические уплощенные бусы, датируются II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. 31. тип 8).

Таким образом, могила №85 датируется II-I вв. до н.э.

Могила №86. Захоронено 9 человек.

Треугольные наконечники, принадлежащие костякам I и II, датируются II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. рис 2/34). Прямоугольная бронзовая пряжка, с вогнутыми сторонами и стилизованными утиными головками-выступами, принадлежащая сдвинутым костякам, датируется II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. 589. рис. 2/1-4). Железный поясной крюк, принадлежащий скелету IV, датируется II-I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. 588. рис. 2/41). Железное

шаровидное навершие, принадлежащее скелету IV, датируется втор. пол. II-пер. пол. I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. 585. рис. 1/4*). Железный стержневой поясной крюк, принадлежащий скелету IV, датируется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011. 587. рис. 1/16*). Бронзовая бляха, скелета IV, имеет аналогии из Туар-Алан. Датировка - II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 90. рис. 26/19*). Бронзовые соединители ремней в виде сдвоенных колец, принадлежащие скелету IV, датируются втор. пол. II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 97. рис. 30/3*). Краснолаковая чаша №5, принадлежащая скелету IX, имеет аналогии из кургана №3 могильника Астанино. Датировка – I в. до н.э. (*Кропотов. 2015. 22. рис. 1/9*). Краснолаковые тарелки, принадлежащие скелету VII, датируются посл. трет. II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 130. рис. 60/9*). Круглая дольковидная бусина датируется очень широко III в. до н.э. – III в. н.э. (*Алексеева. 1978. 31. тип. 18*).

Таким образом, могила №86 датируется кон. II-нач. I вв. до н.э.

Могила №90. Захоронено 10 человек.

Мегарская чаша, принадлежащая группе сдвинутых скелетов II-VIII, датируется пер. пол. I в. до н.э. (*Дашевская. 1983. 131. рис. 3,1*). Пряжка типа сюльгамы, найденная среди сдвинутых скелетов, может датироваться втор. пол. II в. до н.э. – руб. II-I вв. до н.э. (*Зайцев, Мордвинцева. 2003. 148*). Чернолаковая миска, из сдвинутых погребений, имеет аналогии из Артюховского кургана. Датировка – трет. чет. II в. до н.э. (*Максимова. 1979. 112. рис. 47/114*). Серебряная брошь с изображением богини, найденная среди сдвинутых скелетов, имеет аналогии из Соколовского кургана. Датировка – кон. II-нач. I вв. до н.э. (*Костенко. 1979. 193. рис. 3,2*).

Таким образом, могила №90 датируется кон. II-нач. I вв. до н.э.

Могила №96. Захоронено 18 детей.

Бронзовая фибула лучковая с верхней тетивой, четырехвитковой пружиной и узкой ножкой, принадлежащая последнему скелету XVIII, имеет прямые аналогии из склепа №1068 Усть-Альминского некрополя, датированного I в. н.э. (Пуздровский. 2015. 211. рис. 14/1). В свою очередь, подтверждением, а также уточнением этой датировки, является типология В.В. Кропотова. В ней, данной фибуле определен период бытования от сер. I в. н.э. – до нач. II в. н.э. (Кропотов. 2010. 72-74. тип 4/2). Бронзовая подвеска в виде топорика, происходящая из сдвинутых скелетов, имеет прямые аналогии из склепа №30 могильника Левадки. По типологии А.А. Стояновой данный артефакт помещен в тип II, датированный кон. I в. до н.э. – нач. II в. н.э. (Стоянова. 2005. 49. рис. 1/14). Гагатовая подвеска датируется I в. н.э. (Алексеева. 1978. тип 84). Бусы-«каперсы», произведенные из стеклянных нитей розового цвета, датируются I-II вв. н.э. (Алексеева. 1978. тип 282-283).

Таким образом, могила №96 может датироваться I в. н.э.

Могила №101. Захоронено 10 человек.

Бронзовая фибула лучковая с верхней тетивой, четырехвитковой пружиной и узкой ножкой, принадлежащая последнему скелету XVIII, имеет прямые аналогии из склепа №1067 Усть-Альминского некрополя, датированного I в. н.э. (Пуздровский. 2015. 204. рис. 6/9). В свою очередь, подтверждением, а также уточнением этой датировки, является типология В.В. Кропотова. В ней, данной фибуле определен период бытования от сер. I в. н.э. – до нач. II в. н.э. (Кропотов. 2010. 72-74. тип 4/1). Бронзовые серьги датируются I-II вв. н.э. (Лысенко. 2015. 328. рис. 14/3). Бронзовая ведерковидная подвеска имеет наибольшее распространение в период I в. до н.э. - I в. н.э. (Стоянова. 2004. 296-298). Фаянсовая округло ребристая бусина бирюзового цвета датируются II в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева. 1975. тип 16).

Таким образом, могила №101 датируется I в. н.э.

Могила №113. Захоронено 13 детей.

Бронзовые проволочные серьги с петлей и крючком на концах, из сдвинутых костяков, датируются I-II вв. н.э. (*Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9*). Миниатюрный лепной сосуд в виде широкоугольной амфорки, датируется I в. н.э. (*Гаврилов. 2014.140. рис. 8/6*). Бронзовая фибула смычковой конструкции, из сдвинутых погребений, по типологии В.В. Кропотова соответствует фибулам группы 15, датирующимся втор.пол. I-III в. н.э. (*Кропотов. 2010. 293-295*). Стрелковидные подвески бытовали в I в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 84*). Округлые плоские бусы с орнаментом в виде розетки, датируются пер. пол. I в. н.э. (*Алексеева. 1982. тип 474,476*).

Таким образом, могила №113 датируется сер. I в. н.э.

Могила №114б. Захоронено восемь детей.

Бронзовые ведерковидные подвески, зафиксированные среди сдвинутых погребений, имеют наибольшее распространение в период I в. до н.э. - I в. н.э. (*Стоянова. 2004. 296-298*). Бронзовые проволочные серьги с петлей и крючком на концах, из сдвинутых костяков, датируются I-II вв. н.э. (*Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9*). Двудольчатые бусы из глухого черного стекла с желтой спиралью, датируются III в. до н.э. – рубежом эр (*Алексеева. 1978. 45. тип 223*). Шаровидная бусина из серовато-синего стекла, покрытая овальными синими глазками с желтыми треугольниками в центре, датируются втор. пол. I в.н.э. (*Алексеева. 1975. тип 129б*).

Таким образом, могила №114б датируется I в. н.э.

Могила №115. Захоронено три ребенка.

Бронзовые серьги, принадлежащие скелету I, датируются I в. н.э. (*Арсеньева. 1970. 140. рис. 9/8*). Сферическая белая с синими глазками и обводкой из спиральных многоцветных нитей бусина, принадлежащая скелету III, датируется рубежом н.э. (*Алексеева. 1975. 67. тип 68*).

Могила №116. Захоронено 2 ребенка.

Бронзовый разомкнутый браслет скелета №2, датируется широким периодом II–I в. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 99. рис. 32/6*).

Таким образом, могила №116 датируется II–I в. до н.э.

Могила №117. Захоронено 8 человек.

Бронзовая фибула первого варианта лебязьинской серии, принадлежащая скелету I, датируется пер. пол. I в. н.э. (*Дашевская. 1983. 134. рис. 1/1*). Светильник в форме кувшинчика закрытого типа, принадлежащий скелету IV, имеет близкие аналогии из Китея и датируется кон. II–I вв. до н.э. (*Гаврилюк. 2013. 101. рис. 21/12*). Краснолаковая чаша скелета III, датируется I в. до н.э. (*Костенко. 1979. 190. рис. 1/8*).

Таким образом, могила №117 датируется пер. пол. I в. до н.э.

Могила №138. Захоронено 18 человек.

Бронзовые ведерковидные подвески, зафиксированные среди сдвинутых погребений, имеют наибольшее распространение в период I в. до н.э. - I в. н.э. (*Стоянова. 2004. 296-298*). Железная пряжка, принадлежащая скелету XVIII, имеет прямые аналогии из склепа №79 Неаполя скифского. Датировка I в. н.э. (*Труфанов. 2004. 165. рис. 3/5*). Железная пряжка, принадлежащая скелету XVII, имеет аналогии из склепа №605 Усть-Альминского некрополя. Датировка I–II вв. н.э. (*Пуздровский. 2007. 371. рис. 97/15*). Стреловидные гагатые подвески датируются I в. до н.э. - I в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 84*). Круглопровочный браслет, концы которого привязаны к спинке, принадлежащий скелету III, датируется I–II вв. н.э. (*Зубарь. 1982. 94. рис. 61/2*). Железная трехгранная черешковая стрела, принадлежащая скелету XI, датируется I в. н.э. (*Симоненко. 2009. 97. рис. 68/2*). Маленькая лучковая фибула, принадлежащая скелету XVIII,

датируется I в. н.э. (*Дашевская. 1991. 85. рис. 63/13*). Горшок с дуговидной в разрезе шейкой, датируется I в. н.э. (*Гаврилюк. 2013. 94. рис. 17/1*).

Таким образом, могила №138 датируется I в. н.э.

Могила №141. Захоронено 13 человек.

Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, относящиеся к поздней группе, датируются кон. I в. до н.э. – III в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 37*). Перстень цельнометаллический с выделенным круглым щитком, зафиксированный среди сдвинутых костяков, является наиболее распространенным в Северном Причерноморье типом изделий. Датировка I-III в. н.э. (*Лысенко. 2015. 312. рис. 14/10*). Аналогичный дротик, зафиксированный у скелета XII, был найден на городище Беляус. Датировка I в. н.э. (*Дашевская, Лордкипанидзе. 2004. 175*). Бронзовый браслет с завязанными концами, принадлежащий скелету I, имеет прямые аналогии из могилы №73 некрополя Неаполя, датированной I в. н.э. (*Пуздровский. 1992 . 188. рис. 6/7*). Фибула проволочная с завязкой, принадлежащая скелету I, датируется кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э. (*Амброз. 1966.23. рис. 2/12*). Краснолаковая миска, принадлежащая сдвинутым погребениям, являлась наиболее популярной в период I в. до н.э. – нач./пер. пол. I в. н.э. (*Кропотов. 2015. 21. рис. 1/9*).

Таким образом, могила №141 датируется пер. пол. I в. н.э.

Могила №148. Захоронено двое.

Стреловидные гагатовые подвески датируются I в. до н.э. - I в. н.э. Однако, некоторые экземпляры были встречены еще в II в. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 84*). Синяя бусина с сине-белыми глазками датируется II в. до н.э. (*Алексеева. 1975. тип 33 p*). Чернолаковая миска с четырьмя полетами во вдавленных овалах по дну, принадлежащая скелету II, имеет

близкие аналогии из Артюховского кургана. Датировка – сер. – трет. чет. II в. до н.э. (*Максимова. 1979.111. рис. 48*).

Таким образом, могила №148 датируется втор. пол. II в. до н.э.

Могила №153. Захоронено 2 ребенка.

Серебряные и бронзовые дисковидные бляшки с полусферическим выступом в центре и ободком из выпуклых точек, принадлежали скелету I. Данный тип изделий был зафиксирован в раннесарматских памятниках, нач. со II в. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 90. рис. 26/13-16*). Бусы из желтого стекла ромбовидно-овальной формы датируются III-I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. 73. тир. 171*). Две серьги из бронзовой проволоки в виде вертикально закрученного двойного жгута с окончанием в форме волны, зафиксированный на скелете I, имеет прямые аналогии из Семилукского кургана. Датировка – III в. до н.э. (*Пряхин, Разуваев. 1994. 190. рис. 1/13*).

Таким образом, могила №153 датируется нач. II в. до н.э.

Могила №154. Захоронено 8 детей.

Бронзовая ведерковидная подвеска, принадлежащая костяку VIII, имеет наибольшее распространение в период I в. до н.э. - I в. н.э. (*Стоянова. 2004. 296-298*). Лепной горшок с ручкой, принадлежащий скелету VIII, имеет близкие аналогии из материалов Неаполя Скифского. Датировка – кон. I в. до н.э. – I в. н.э. (*Махнева. 2004.103. рис. 3/14*). Лепной кувшин, принадлежащий одному из сдвинутых погребений, похож по форме на подобный предмет из Неаполя. Датировка кон. I в. до н.э. – I в. н.э. (*Махнева. 2004.100. рис. 3/11*).

Таким образом, могила №154 датируется рубеж эр.

Могила №156. Захоронено 2 человека.

Красноглиняный лекиф, принадлежащий скелету II, имеет прямые аналогии из Неаполя. Датировка – последняя чет. – кон. II в. до н.э. (Зайцев. 2003. 160. рис. 90/2). Бронзовые дисковидные бляшки с полусферическим выступом в центре и ободком из выпуклых точек, принадлежали скелету II. Данный тип изделий был зафиксирован в раннесарматских памятниках, начиная со II – по I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. 90. рис. 26/13-16). Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, датируются II–кон. I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 37). Три серебряных соединенных вместе кольца с наличием на них трех одинарных выступов-шишечек, принадлежащие скелету II, имеют близки аналогии из могильника у с. Николаевка. Датировка II-I вв. до н.э. (Журавлев. 2014. 67. рис. 6/10).

Таким образом, могила №156 датируется кон. II в. до н.э.

Могила №168. Захоронено 2 человека.

Пряжка типа сьюльгамы, принадлежащая второму захоронению, датируется втор. пол. II в. до н.э. – руб. II-I в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева. 2003. 148). Мегарская чаша, принадлежащая скелету I, датируется, по аналогии с ней, втор. пол. II в. до н.э. (Шанцев. 2008.326. рис. 1/1). Вторая мегарская чаша, принадлежащая скелету II, имеет схожий орнамент с неполным вариантом мегарской чаши из Неаполя. Датировка – втор. пол. II в. до н.э. (Зайцев.2003.113.рис. 65/13).

Таким образом, могила №168 датируется втор. пол. II в. до н.э.

Некоторые могилы были исключены из выборки, по причине их ограбления: №№3; 4; 14; 28; 48; 89; 97; 119; 155; 166;170.

II.2. Двухкамерные земляные склепы.

Могила №1.

Южная камера. Захоронено 20 человек.

Серебряная серьга в виде шишковатого конуса (палицы Геракла) с львиной мордой в основании и с бусиной на дужке, принадлежащая скелету II, имеет множество ей аналогий. Например, изготовленная из медной проволоки, а после же обмотанная золотой фольгой серьга, с головкой льва (только на месте «палицы Геракла» (как в нашем варианте), напаянное медное кольцо, отделяющее голову льва от «шеи»), происходит из материалов восточного некрополя Фанагории. Датировка фанагорийской находки – сер. III в. до н.э. (*Медведев. 2013. 316. рис. 9/1*). Еще одну аналогии этому предмету можно привести из могилы №262 некрополя Танаиса, датируемой нач. II в. до н.э. (*Арсеньева. 1977. 81. рис 30/4*). Наиболее близкая аналогия происходит из Неаполя, датируется втор. пол. II в. до н.э. (*Зайцев. 2003. 165. рис. 95/3*). Прямоугольная бронзовая пряжка, с вогнутыми сторонами и стилизованными утиными головками-выступами, принадлежащая сдвинутым костякам, датируется II-I вв. до н.э. (*Зайцев. 2011.589. рис. 2/1-4*). Браслеты бронзовые с заходящими вдоль спинки концами, датируются II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 99. рис 31/2*). Лепная мисочка на низком поддоне, имеет близкие аналогии с территории Знаменского городища. Датировка - II- I вв. до н.э. (*Зайцева.2001. 164. рис. 2/80*). Миска с пальметтами в двойном круге насечек была встречена в заполнении Артюховского кургана, датированного трет. чет. II в. до н.э. (*Максимова. 1979. 111. рис. 48/2*). Бронзовая одночленная проволочная среднелатенская фибула датируется I в. до н.э. (*Амброз.1966. 19. таб. 1/16*). Бронзовый браслет с круглой в сечении проволокой на концах, имеет близкие аналогии из святилища Туар-Алан, датированного II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 82. рис. 16/25*). Бронзовое зеркало с небольшим выступом, имеет

близкие аналогии из Карасу I. Датировка- II-I вв. до н.э. (*Скрипкин. 2006. 28. рис. 1/34*).

Таким образом, южная камера датируется кон. II– нач. I вв. до н.э.

Северная камера. Захоронено 30 человек.

Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, датируются II - кон. I вв. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 37*). Стреловидные гагатовые подвески датируются I в. до н.э. - I в. н.э. Однако, некоторые экземпляры были встречены еще в II в. до н.э. (*Алексеева. 1978. тип 84*). Бронзовый браслет с круглой в сечении проволокой на концах, имеет близкие аналогии из святилища Туар-Алан, датированного II-I вв. до н.э. (*Гаврилов. 2014. 82. рис. 16/25*). Бронзовый браслет из круглой в сечении проволоки, конец которого орнаментирован в форме насечек и оформлен стилизованной змеиной головкой. Датировка- втор. пол. II –I вв. до н.э. (*Труфанов. 2001. 77. рис. 2/1-2*). Ранний браслет со змеевидной головкой датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (*Высотская. 1994. 112*). Лепная курильница с прочерченным орнаментом в виде горизонтальных и вертикальных линий, датируется II-I вв. до н.э. (*Синика и др. 2014. 77. рис. 12/15*). Дырчатая лепная курильница в виде стакана имеет прямые аналогии из могилы № 55 некрополя Неаполя. Датировка I в. до н.э. – I. н.э. (*Сымонович. 1983. 46. таб. IV/8*). Лепной горшок с высоким горлом датируется кон. I в. до н.э. – II в. н.э. (*Махнева. 2004. 100. рис. 1/3*). Двух- и трехлопостные бронзовые ромбические стрелы, датируются VI и IV вв. до н.э. (*Мелюкова. 1975. 92. таб. 31/46; 38/35*).

Таким образом, северная камера датируется втор. пол.– кон. II до н.э. – кон. I в. до н.э. Эта же дата подходит для всего склепа.

Могилы №11-разграблена.

Могилы №16.

Северо-восточная камера. Захоронено 10 детей.

Ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, датируются II - кон. I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 37). Стреловидные гагатые подвески датируются I в. до н.э. - I в. н.э. (Алексеева. 1978. тип 84). Бронзовые лучковые фибулы, принадлежащие скелету X, датируются кон. II – нач. I вв. до н.э. (Михлин. 1980. 212. рис. 3, 4, 5). Бляшка с изображением оленя в зверином стиле, принадлежащая скелету X, является архитипом. Датировка – не позднее II в. до н.э. (Дашевская. 2014. 16. рис. 14/2).

Юго-западная камера. Захоронено 10 детей.

Бронзовая гривна в полтора оборота, принадлежащая скелету I, датируется кон. II- пер. пол. I вв. до н.э. (Стоянова. 2004. 118. рис. 1/4). Цилиндрические бусы из разноцветных нитей датируются II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. тип 291). Усеченно-биконические уплощенные бусы, датируются II-I вв. до н.э. (Алексеева. 1978. 31. тип 8).

Таким образом, могила №16 датируется кон. II - нач. I вв. до н.э.

Могила №34.

Северная камера. Захоронено 12 человек.

Бронзовые пронизи датируются II-I вв. до н.э. (Гаврилов. 2014. 102. рис. 36/1). Три чернолаковых канфара с поперечной планкой и двумя дисками на ручках, имеют аналогии из Ольвийского некрополя. Датировка III-II вв. до н.э. (Парович-Пешикан. 1974. 80. рис. 77/1,3; 79/1-3). Подвеска в виде головы негра имеет близкие аналогии из материалов Артюховского кургана, датированного трет. чет. II в. до н.э. (Максимова. 1979. 123. рис. 57/2). Бронзовое зеркало плоское без ручки и бортика, по типологии Т. М. Кузнецовой принадлежит I классу III отдела категории зеркала, датирующийся IV-III вв. до н.э. (Кузнецова. 1987. 39. рис. 2, 3). Мегарская

рельефная чаша имеет аналогии по орнаментации из городища Кара-Тобе. Датировка пос. чет. II-нач. I вв. до н.э. (Внуков, Коваленко. 1998. рис. 4/8,9). Гончарный красноглиняный сосуд имеет близкие аналогии из горизонта Е Южного дворца Неаполя, датирующегося втор. - трет. чет. II в. до н.э. (Зайцев. 2003. 125. рис. 55/1).

Таким образом, северную камеру можно датировать II–посл. чет. II в. до н.э.

Южная камера. Захоронено 3 человека.

Круглая железная пряжка с неподвижным заостренным стержневым выступом, принадлежащая скелету I, датируются на территории Северного Причерноморья II-I вв. до н.э. В погребениях мавзолея Неаполя данный тип изделий встречается в период кон. II- нач. I вв. до н.э. (Зайцев. 2011. 590. рис. 2/45). Железные втульчатые трехлопостные стрелы, принадлежащие скелету I, датируются II-I вв. до н.э. (Дашевская. 1991. 34).

Таким образом, южная камера датируется кон. II- нач. I вв. до н.э.

В итоге, могила №34 бытовала в период II–нач. I вв. до н.э.

III.3. Грунтовые ямы.

Могильные комплексы, признаков погребения в которых обнаружено не было: №№ 8; 9; 15; 18 (датируется по фрагментам сосудов кон. II в. до н.э. (материалы не опубликованы)); 19 (датируется по фрагментам сосудов второй половиной II в. до н.э. (материалы не опубликованы)); 24; 33 (небольшая бусина из глухого красного стекла с сине-белыми глазками датируется довольно широко (наибольшее распространение во II-I вв. до н.э.) (Алексеева. 1975. тип 27 г); 41; 42; 54; 58 (датируется по бусине из глухого черного стекла с поперечными белыми полосами II- I вв. до н.э. (материалы не опубликованы)); 95; 104; 112; 118; 134.

Могила №22. Датируется по бусам II–I вв. до н.э.

Могила №37. Конская. Округлая бусина из бирюзового египетского фаянса, датируется кон. II- нач. I вв. до н.э. (*Алексеева. 1975. тип 18*).

Могила №108. Захоронен ребенок. Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба. Датируется I–II вв. н.э. (*Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9*).

II.4. Подбойные могилы.

Могильные комплексы, признаков погребения в которых обнаружено не было: 23; 25; 26; 43; 55; 60; 67; 70; 73; 76; 78; 81; 87; 91; 94; 98; 99; 100; 102; 103; 106; 122; 130; 131; 135; 139; 142; 143; 144; 152; 157; 158; 162; 164; 165; 167; 169; 171. Могильные комплексы, датировка которых не ясна: 32; 45; 56; 62; 68; 75; 79; 80; 82; 83; 88; 93; 110; 111; 124; 125; 128; 132; 133; 147; 159; 160.

Могила №30. Захоронено три ребенка. Датируется по фрагментам сосудов рубежом эр (материалы не опубликованы).

Могила №44. Захоронен ребенок. Синяя бусина, покрытая сплошными глазками с треугольными серединами желтого цвета, датируется кон. I в. до н.э. (*Алексеева. 1975. тип 129 б*).

Могила №46. Захоронен взрослый мужчина. Гагатова стреловидная подвеска датируется I в. н.э. (*по Алексеева. 1978. тип 84*).

Могила №47. Захоронен человек. Гагатова стреловидная подвеска датируется I в. н.э. (*Алексеева. 1978. тип 84*).

Могила №51. Захоронен ребенок. По обломкам керамики и бусам датируется кон. II- нач. I вв. до н.э.

Могилы №52. Захоронено 2 ребенка. По бусам датируется кон. II - нач. I вв. до н.э.

Могилы №59. Захоронено два ребенка. Погребение датируется по бусам II-I вв. до н.э.

Могилы №63. Захоронен ребенок. Синяя бусина, покрытая сплошными глазками с треугольными серединами желтого цвета, датируется кон. I в. до н.э. (Алексеева. 1975. тип 129 б).

Могилы №65. Захоронено два ребенка. Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба. Датируется I-II вв. н.э. (Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9).

Могилы №66. Захоронено два ребенка. Датируется по бусам II-I вв. до н.э.

Могилы №69. Захоронен ребенок. Датируется по бусам II-I вв. до н.э.

Могилы №72. Захоронено два ребенка. Костяная подвеска датируется кон. II - нач. I вв. до н.э. (Алексеева. 1982. тип 34).

Могилы №74. Захоронено двое. Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба. Датируется I-II вв. н.э. (Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9).

Могилы №92. Датируется по бусам кон. II - нач. I вв. до н.э.

Могилы №107. Захоронен ребенок. По бусам датируется I в. н.э.

Могилы №109. Захоронено два ребенка. Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба. Датируется I-II вв. н.э.

(Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9). Подвеска амулет датируется I в. н.э. (Алексеева. 1975. тип. 32).

Могилы №120. Захоронен взрослый мужчина. Железная кольцевая пряжка с подвижным язычком датируются I-II вв. н.э. (Зайцев. 2003. рис. 118/13).

Могилы №121. Захоронено два ребенка. По бусам погребение датируется II-I вв. до н.э.

Могилы №123. Захоронен ребенок. Датируется по бусам руб. эр.

Могилы №126. Захоронен ребенок. Датируется по бусам руб. эр.

Могилы №127. Захоронен ребенок. Синяя бусина, покрытая сплошными глазками с треугольными серединами желтого цвета, датируется концом I в. до н.э. (Алексеев. 1975. тип 129 б). Бронзовая подвеска в виде топорика, происходящая из сдвинутых скелетов, имеет прямые аналогии из склепа №30 могильника Левадки. По типологии А.А. Стояновой подвеска относится к типу II (кон. I в. до н.э. – нач. II в. н.э.) (Стоянова. 2005. 49. рис. 1/14). Таким образом, датировка – рубеж эр.

Могилы №129. Захоронен ребенок. Датируется по бусам I в. н.э.

Могилы №137. Захоронено два ребенка. Датируется по бусам нач. I в. н.э.

Могилы №140. Захоронен ребенок. Датируется по бусам нач. I в. н.э.

Могилы №145. Захоронен ребенок. Датируется по бусам I в. н.э.

Могилы №146. Захоронен ребенок. Небольшая бусина из глухого красного стекла с сине-белыми глазками датируется довольно широко (наибольшее распространение во II-I вв. до н.э.) (Алексеева. 1975. тип 27 г). Бронзовые бляшки датируются I в. до н.э. (Погребова. 1961. 136, 139). В итоге, комплекс датируется I в. до н.э.

Могила №149. Захоронено два ребенка. Бронзовая проволочная серьга с петлей и крючком на концах, из сдвинутых скелетов, имеет аналогии из детского погребения №1 могильника Джан-Баба. Датируется I-II вв. н.э. (Ланцов. 2015. 162. рис. 28/9). Бронзовая ведерковидная подвеска имеет наибольшее распространение в период I в. до н.э.- I в. н.э. (Стойнова. 2004. 296-298). Общая дата комплекса – I в. н.э.

Могила №150. Захоронен ребенок. Датируется по бусам I в. до н.э.

Могила №151. Захоронено пять детей. Датируется по бусам I в. до н.э.

Могила №161. Захоронено два ребенка. Датируется по бусам руб. эр.

Могила №163. Захоронен мужчина и ребенок. Датируется по бусам рубежом эр.

Глава III.

Историческая планиграфия памятника.

Пространственная структура конкретного памятника в том или ином виде содержит в себе информацию о поведенческих моделях древнего населения, а возможность ее извлечения зависит от условий залегания и степени сохранности культурных остатков, методики раскопок и тщательности фиксации материалов, а также от поставленных исследователем задач (*Леонова. 2014. 142*).

В данной главе целесообразно отметить досадные неточности при публикации плана некрополя, опубликованные в монографии О. Д. Дашевской. К вышеупомянутым неточностям плана относятся следующие: 1) на плане встречаются двойные наименования могил (две могилы №5, две могилы №40, две могилы №41, две могилы №86, две могилы №121, две могилы №123) 2) отсутствие описанных в публикации могил на общем плане могильника (6, 21, 59, 60, 61, 97) 3) встречаются и противоположные вещи (помещение на план могильника могилы №136, при отсутствии ее описания в монографии). Все изложенные недочеты доставляют массу неудобств при работе по изучению памятника.

Для реконструкции исторической планиграфии могильника Беляус, были использованы результаты хронологического анализа погребальных комплексов, полученные в предыдущей главе, на основе современных данных.

В результате исследований, была выявлена историческая ситуация развития памятника. Некрополь функционировал в период нач. II в. до н.э. – сер. I в. н.э. При этом, могильник рос с севера на юг. Установлено, что с

годами некрополь рос вверх по склону в направлении городища Беляус (Рис. 2-12).

Отдельно стоит отметить, что типы погребальных комплексов, выявленных на территории памятника, разновременны в своем появлении. Так, захоронения в амфорах причисляются автором раскопок к греческим, и отмечены в кон. III – нач. II в. до н.э. Хронология грунтовых могил установлена довольно широко, и охватывает весь период бытования могильника. Однако, ввиду малой выборки и большой широты выявленных хронологических диапазонов, надежно выделить период бытования данного типа погребальных сооружений не удалось.

Однокамерные земляные склепы отмечены за весь период бытования памятника. Двухкамерные земляные склепы функционируют в период начала II- кон. I вв. до н.э. Подбойные могилы появляются только с нач. I в. до н.э. и функционируют до сер. I в. н.э. Каменные склепы функционируют с нач. - по сер. I в. н.э. (Рис. 13).

Глава IV.

Культурная стратиграфия памятника.

Данная глава направлена на рассмотрение выявления закономерностей между погребальными сооружениями, погребенными и сопроводительным инвентарем.

IV.1. Анализ погребальных сооружений.

Прежде чем начать описывать погребальные сооружения могильника Беляус, нужно сказать пару слов о специфике исследуемого региона.

Среди погребальных памятников позднескифской культуры Крымского полуострова выделяются три локальных варианта. Первый из них составили могильники Юго-Западного Крыма (Заветное, Скалистое II и III, Бельбек I-IV и др.) Наличие на территории упомянутых памятников таких погребальных сооружений, как подбойные могилы с забитыми камнем входными ямами, плитовые могилы, простые грунтовые ямы и ямы с заплечиками, а также отсутствие склепов, было основанием для их выделения в отдельную юго-западную локальную группу погребальных памятников позднескифской культуры.

Во второй вариант погребальных памятников позднескифской культуры вошли могильники Северо-Западной части Крымского полуострова с прилегающей с юга долиной р. Западный Булганак (Кульчук, Беляус, Кара-Тобе, Кольчугино). Основной тип на упомянутых некрополях – аналогичные неапольским грунтовые склепы с многократными захоронениями. Бедные, а часто и безинвентарные могилы, как правило, детские, существенно отличаются от схожих гробниц Юго-Западного Крыма и Неаполя Скифского.

Между этими двумя локальными группами памятников расположена группа переходных, таких как Усть-Альма и Неаполь Скифский, на некрополях которых исследованы погребальные сооружения, характерные для обоих регионов.

При этом, памятники Северо-Западного Крыма датированы II в. до н.э. – I в. н.э., а время их запустения – рубеж I-II вв. н.э. Могильники Юго-Западного Крыма датированы исследователями концом I в. до н.э. – III в. н.э. Согласно этой датировке, памятники обоих регионов сосуществовали около века (*Кропотов. 2000. 46-50*).

Всего в ходе исследования на территории некрополя было выявлено 177 могил. В количественном отношении выявленные типы погребальных форм распределяются следующим образом: подбойные могилы - 93 (52, 5%); земляные склепы - 58 (32, 7%) (среди них однокамерные занимают – 54 (30, 5%), двухкамерные – 4 (2, 3%); грунтовые могилы - 19(10,7%); каменные склепы – 4 (2, 3%); кремации в амфорах - 2 (1, 13%) (Рис. 13).

Таким образом, было выявлено пять типов погребальных сооружений. Дадим этим типам условные обозначения (где А– захоронения в амфорах, В – подбойные могилы, С - грунтовые захоронения, D - земляные склепы, Е- каменные склепы).

Тип А. Погребения были совершены в амфорах, помещенных в небольшие углубления в материке. Обряд представлен и случаями кремации (2 случая) и одним случаем ингумации младенца в амфоре.

Тип В. Подбойные могилы являют собой узкую овальную в плане входную яму, которая ориентирована в большинстве случаев по оси юго-восток-северо-запад (хотя, в единичных случаях зафиксирована широтная ориентировка). В северной стенке входной ямы (иногда с небольшими отклонениями) была вырыта камера, дно которой находилось ниже дна входной ямы. Стенка погребальной камеры перекрывалась плоскими,

поставленными на ребро камнями. После засыпки входной ямы на нее устанавливались несколько камней, видимо служивших ориентирами того, что здесь находится подбойное захоронение.

Тип С. Грунтовые захоронения представляют собой узкие овальные в большинстве своем могилы. Ориентировка захоронений различна. Во многих случаях могилы перекрыты несколькими плоскими камнями. Зафиксированы и случаи забутовки погребальной конструкции.

Тип D. Земляные склепы отображают основную форму погребального сооружения на территории Беляусского некрополя. О. Д. Дашевская выделила три типа земляных склепов на рассматриваемом памятнике. Тип I – имеют овальные в плане входной колодец и камеры, которые расположены параллельно друг другу. Склепы II типа имеют длинный входной колодец и округлую в плане камеру, которые расположены на одной оси. Во всех зафиксированных случаях этого типа камера земляного склепа примыкает с севера. Тип III (или же Т-образный земляной склеп) - у представленного типа входной колодец и камера перпендикулярны друг другу. Также, склепы делятся на однокамерные и двухкамерные. (Дашевская. 2014. 81-82).

Тип E. Все каменные склепы (4 погребальных сооружения) были зафиксированы на глубине всего 0,2-0,3 м от поверхности. Перекрытия могил были скрыты с бывшими над ними небольшими курганами. Все вместилища мертвых имеют прямоугольную в плане, немного суженную к входу, камеру, ориентированную меридионально, с небольшим отклонением на северо-восток. Стены сложены насухо из хорошо отесанных плит, причем обращенная к земле их сторона обработана грубо. В каждом склепе стены нижнего ряда поставлены на ребро, а последующие положены плашмя, с напуском, образующим переход к своду. Полы мощенные. Все дромосы обращены на юг, обложены большими грубо обработанными плитами и забутованы камнем (Дашевская. 2014. 76).

В итоге, на территории могильника не удалось выявить один тип погребальных сооружений, который можно было бы назвать «стандартным». Судя по процентному соотношению «стандартными» можно назвать типы В, D (85,2%). Типы А, С, Е можно отнести к разряду «особых» (14,7 %).

Объем погребальных камер не был учтен, ввиду того, что по имеющимся данным различия в трудовых затратах на изготовление погребальных сооружений были незначительны (в пределах одного и того же типа погребальных сооружений), их размер исходил из биометрических особенностей и количества погребенных.

В ходе проведения пространственного анализа погребальных сооружений, на плане Беляусского некрополя не было выявлено четко сформулированной системы расположения различных типов могил. Однако, можно предположить, что захоронения тяготеют к расположению вдоль склона «рядами» по оси северо-восток-юго-запад (Рис. 14-20).

IV.2. Анализ останков погребенных.

Положение погребенного, целостность тела которого не была нарушена, является достаточно сложной «иерархической» структурой, в которой следует выделять четыре основные группы признаков.

Во-первых, позоопределяющие признаки. Эта группа признаков характеризует общее (вертикальное или горизонтальное) положение туловища: вертикально вытянутое (погребение в положение «стоя»; вертикально согнутое (погребение в положение «сидя»; горизонтально вытянутое (погребение в положении «лежа» с вытянутыми нижними конечностями; горизонтально согнутые (погребение в положение «лежа» с согнутыми нижними конечностями).

Во-вторых, позообразующие признаки. Эта группа признаков указывает на общее положение корпуса погребенного по отношению к

несущей и/или опорной поверхности: дорзальное (корпус опирается на спину); право латеральное (корпус опирается на правый бок); лево латеральное (корпус опирается на левый бок); вентральное (погребение «на животе»).

В–третьих, позохарактеризующие признаки. Эта группа признаков указывает на расположение рук и ног погребенного как по отношению к туловищу, так и по отношению друг к другу (в том числе симметричное/асимметричное), с учетом их нахождения в вертикальной или горизонтальной позиции и с определением степени их согнутости в плечевых/локтевых и тазобедренных/коленных составах соответственно.

Наконец, позодополняющие признаки. Это группа признаков указывает на положение головы погребенного, которое может как совпадать с положением корпуса, так и не совпадать с ним; на положение и состояние кистей рук, которые рассматриваются в отдельности в случае несовпадения правой и левой, а при рассмотрении состояния согнутости/разогнутости пальцев рук положение каждого пальца может быть описано отдельно; на положение и состояние стоп, в случае необходимости – каждой в отдельности.

При этом, положение головы подразделяется на: дорзальное (череп опирается на затылок); право латеральное (череп опирается на правый бок); лево латеральное (череп опирается на левый бок); фронтальное (череп опирается на лицевую часть). Положение кистей: перекрещены между собой; параллельны друг другу. Также, при описании положения костей погребенного учитываются следующие показатели: А- кости находятся в состоянии пронации (вниз ладонной поверхностью); В- кости находятся в состоянии ротации (промежуточная стадия); С- кости находятся в состоянии супинации (вверх ладонной поверхностью). При положении стоп выделяются следующие признаки: перекрещены между собой; параллельны

между собой; оттянуты (плюсна и фаланги составляют с голенью угол меньше 45 градусов); не оттянуты (*Смирнов. 1997. 39*).

Рассмотрим остатки погребенных Беляусского некрополя, зафиксированные в заполнении различных типов погребальных сооружений.

Тип А. Информативность данного типа крайне низка. Это связано в первую очередь не только с малочисленностью зафиксированных погребальных комплексов, но и крайне скудным антропологическим материалам. В комплексах представлены два вида погребального обряда – ингумация и кремация. В погребениях типа А обнаружены остатки как взрослых погребенных, так и детей. К сожалению, более детальное установление возраста и пола умерших не представляется возможным. Погребальные комплексы типа А были зафиксированы в не нарушенном состоянии.

Аналогичное погребение младенца в амфоре (мог. 105), так же середины I в. н.э., было встречено на территории некрополя Неаполь Скифский. По результатам исследований автор раскопок связывает его с влиянием греческой культуры (*Пуздровский. 1987. 205-207*).

Тип В. В комплексах представленного типа обнаружены скелеты мужского и женского пола, а так же преобладающее количество детских погребений. Причем, захоронения, где были бы зафиксированы взрослые, весьма единичны. Также, следует отметить тот факт, что в погребальных сооружениях типа В зафиксировано множество комплексов, где следов погребения обнаружено не было. Возможно, остатки костяков не сохранялись ввиду того, что в могилах были похоронены дети и младенцы. Это суждение подтверждают и размеры погребальных конструкций. Костяки были обнаружены в основном в ненарушенном состоянии, за исключением нескольких скелетов. Из 93 подбойных могил 44 (47, 3% от общего количества могил) содержали одиночные погребения, в 11 (11,8% от общего

количества) зафиксированы парные захоронения, в 4 (4, 3% от общего количества) были изучены коллективные погребения от 3-до 7 человек. В 32 (35,4%) признаков погребения в заполнении могильных комплексов обнаружено не было.

Тип С. В погребениях рассматриваемого типа были выявлены в основном детские скелеты, лишь в одном случае (мог. 118) был обнаружен женский череп (20-25 лет) в погребении, размеры которого явно предназначались для ребенка (*Дашевская. 2014. 59*). В большинстве случаев костяк полностью истлевал.

К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров на территории Северного Причерноморья посвятил одну из своих работ И.Ю. Шауб. Автор утверждает, что отрубленная голова играла важнейшую роль в таврском жертвоприношении богине Деве. На Дону, на европейской стороне Боспора, на Тамани, в Прикубанье, на Северном Кавказе и в Таврике культ отрубленной головы засвидетельствован не только памятниками искусства, но и в ряде случаев прослежен археологически (Елизаветинское городище, Илурат).

Ученый предполагает, судя по изображениям на произведениях искусства, весьма возможно, что у причерноморских и приазовских варваров существовало две формы культа головы: экстатическая женская, что было свойственно и аналогичным культам Восточного Средиземноморья (сатиropодобная голова в руках змееногой богини на бляшках из Куль-Обы, с Тамани и из Херсонеса; ср. жертвоприношение Деве) и воинская - мужская (колпачок из Курджипса, ритон из Карагодеуашха, где под ногами лошадей бога и царя лежат обезглавленные тела). Вероятно, эта форма рассматриваемого культа была связана с верой в возможность получения заключенной в голове магической силы для захватившего ее в качестве военного трофея (*Шауб. 1987. 16*).

Тип D. Склепы являются местом упокоения лиц мужского и женского пола, а также детей. Костяки были обнаружены в двух состояниях - ненарушенном и нарушенном (в том числе и многочисленными ограблениями заполнений склепов, происходивших еще в древности). Среди погребенных в земляных склепах отмечены следующие показатели: абсолютное число погребений были коллективными - 53 могил (91,4 %), а оставшиеся 5 (8,6%) погребений - парными (при этом, в 4/5 этих случаев могилы являлись детскими); сдвигание предшествующих захоронений в стороны при подзахоронении, проникновение в погребальные камеры и разрушение остатков умерших.

Тип E. В погребальных комплексах были обнаружены скелеты погребенных мужского и женского пола, а также детей. Все костяки были зафиксированы в нарушенном состоянии. Заполнения каменных склепов были ограблены еще в древности. В склепах были зафиксированы останки многочисленных погребенных.

В результате, при изучении могильника было зафиксировано 643 погребенных, из которых: 74 мужских, 63 женских, 179 детских и 14 подростковых, у остальных пол и возраст определены не были. У 21 мужских и 2 женских костяков не определен возраст. Однако, следует учитывать тот факт, что погребенных было несомненно большее количество (Рис. 21).

Так, 83 (12,9 % от всех выявленных костяков) погребенных было зафиксировано в заполнении погребальных сооружений типа B, 47 (7,3 % от числа всех выявленных костяков) погребенных было зафиксировано в заполнении погребальных сооружений типа E, 3 (0,5% от всех выявленных костяков) погребенных было зафиксировано в заполнении погребальных сооружений типа C, 2 (0,3% от всех выявленных костяков) погребенных зафиксировано в заполнении погребальных сооружений типа A, 508 (79% от числа всех выявленных костяков)

погребенных зафиксировано в заполнении погребальных сооружений типа D (Рис. 22).

Можно сказать, что в двух типах погребальных сооружений (B, C) преобладают детские захоронения в сравнении с захоронениями взрослого населения. В типе D обнаружено множество захоронений детей, наряду с доминирующим количеством взрослых. Типы A и E несут в себе незначительное количество информации.

Таким образом, количество помещенных костяков в могилы напрямую связано с типом погребального сооружения. В земляных и каменных склепах были совершены коллективные погребения, а в подбойных, грунтовых могилах и в захоронениях в амфорах, в основном, индивидуальные (либо же парные). Хотя, в представленных случаях встречаются исключения из правил.

Перейдем к рассмотрению ориентировки погребенных.

Ориентировка по сторонам света позволяет человеку определять и описывать свое положение в пространстве, позиционировать себя относительно других объектов, пребывать в безопасности, в состоянии устойчивости. Помимо прочего значения, ориентировка по сторонам света имеет также сакральный смысл: древний человек стремился в окружающем его микрокосмосе воссоздать пространственно – временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения, с целью иметь возможность, оперируя этой моделью, воздействовать на макрокосмические силы, управляющие его бытием (Нифанова. 2012. 63-66).

Всего удалось определить ориентировку 337 –ми погребенных в земляных склепах. «Стандартной» ориентировкой усопших являлась восточная – 241 (72% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) и юго-восточная - 27 (8% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой). Помимо этого, в погребальных

сооружениях типа D были встречены и другие ориентировки погребенных: западная – 52 (15, 4% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой), северо-восточная – 6 (1,8 % от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой), юго-западная - 5 (1,5% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой), северо-западная – 4 (1,2% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой). Наконец, были встречены единичные захоронения с северной и южной ориентировкой (Рис. 23).

В могилах типа В было выявлено 77 усопших, у которых удалось определить ориентировку. Так, 28 (42, 4% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) погребенных были ориентированы головой на восток; 17 (25,8 % от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) костяков было зафиксировано с восточной-юго-восточной ориентировкой; 14 (21, 2% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) костяков имели юго-восточную ориентировку; 7 (10, 6% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) были встречены с южной ориентировкой; 4 (6% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) находились головами на запад; 4 (6% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) находились головами на север; 3 (4,5% от общего числа зафиксированных костяков с ориентировкой) были обращены головами на запад – северо-запад (Рис. 24).

Перейдем к рассмотрению ориентировок погребенных в могилах типа С. В представленном типе, по всей видимости, были погребены, за исключением двух случаев, исключительно дети. Ввиду этого, многие могилы не содержали в себе признаков погребения (в 14 случаев из 17 детских погребений костяк полностью истлевал). Из сохранившихся трех костяков можно судить, что: 2 ребенка были обращены головами на восток, захоронение черепа женщины 20-25 лет имело юго-восточную ориентировку.

Наконец, в погребальных сооружениях типа А удалось выявить из трех нам известных могил ориентировку одного захоронения ребенка в амфоре – северо-западная.

Преобладающей среди ориентировок погребенных оказалась восточная. Именно эта сторона ориентировки умерших является наиболее распространенной среди «киблических» стран света, ассоциируясь с восходом солнца – подателя жизни на земле. Практически во всех архаических культурах Евразии восток, даже если другие «священные направления» вытеснили его из культового обихода, сохранял свое сакральное значение, часто являясь основной «священной стороной» (*Подосинов. 1999. 541*).

При этом важно учитывать еще один фактор, известный нам из этнографических наблюдений. У различных народов наблюдается двойственность ориентации погребенных. Например, относительно финно-угорских племен археологи часто говорят о «меридиональной» ориентировке погребений, при которой важно, что тело вытянуто по оси север-юг, но положение головы может быть как к северу, так и к югу.

По всей видимости, такую двойственность ориентации умерших следует объяснять наличием в той или иной культуре представления о существовании двух загробных миров – плохом, мрачном, и светлом, радостном. В таком случае, погребение головой к преисподней означало бы надежду на избавление от этой адовой доли, а автоматически получающийся при этом разворот лицом в «райскую» сторону - стремление обеспечить будущее блаженство. В некоторых случаях, вероятно, обращение к востоку или же югу как к священной солярной стороне вытесняло ориентацию умерших к противоположной стране смерти (*Подосинов. 1999. 581-582*).

Наконец, рассмотрим половозрастные группы погребенных.

Огромная роль для реконструкции социальной структуры населения отдается системе исследования половозрастных групп. В архаических обществах эти группы отражали разделение членов общества по функциональному признаку и уровню доступа к социальной ответственности, в том числе к отправлению власти. При этом они могли характеризоваться ярко выраженными различиями в нормах поведения (еде, одежде, украшениях), престиже, привилегиях (Багаутдинов, Мышкин. 2013. 44).

Судя по антропологическим данным, наибольший пик смертности у мужчин и женщин приходился на период 36-45 лет (Рис. 25).

В ходе проведения исследования, половозрастные данные погребенных были помещены на планиграфию могильника, с целью выявления закономерностей размещения умерших на территории некрополя. Однако, четко выраженной системы выявить не удалось (Рис. 26).

Также, был произведен анализ положения тел умерших, исходя из их половозрастных характеристик и нахождения в различных типах погребальных сооружений. Для анализа были взяты нетронутые костяки, у которых удалось определить антропологические данные.

В свою очередь, при изучении умерших в заполнении погребальных сооружений типа D, анализу положения костяка подверглись захороненные мужского и женского пола, а также детские скелеты. При изучении погребальных сооружений типа B, анализу положения костяка подверглись лишь детские захоронения.

В остальных случаях выборка была представлена крайне малым числом костяков, необходимых для проведения анализа положения тел умерших, и была представлена всего в нескольких единицах. Ввиду этого, анализ положения тел умерших данного материала не производился.

При анализе положения женских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D были зафиксированные следующие показатели: 1) главенствующее большинство скелетов были захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты, 2) также, распространен обряд, при котором одна из рук зафиксирована вдоль туловища, а другая была согнута в локтях, а ее кисть помещена на живот, 3) положения ног в нескольких случаях удалось зафиксировать в скрещенном или согнутом положении (Рис. 27).

При анализе положения мужских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D были зафиксированные следующие показатели. Главенствующее большинство скелетов были захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты. Также, распространен обряд, при котором обе руки были положены на живот умершего. В относительно многом количестве случаев зафиксирован обряд скрещивания ног. Остальные данные хаотичны (Рис. 28).

При анализе положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D были зафиксированные следующие показатели. Главенствующее большинство скелетов были захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты. В нескольких случаях зафиксировано скрещивание ног (Рис. 29).

При анализе положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа B были зафиксированные следующие показатели. Главенствующее большинство скелетов были захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты. В относительно большом количестве случаев ноги усопших были скрещены, а также согнуты (Рис. 30).

Таким образом, во всех проанализированных нами случаях положение тел погребенных, в большинстве своем, универсально: захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты. Однако, стоит отметить относительно малую выборку костяков (из-за небольшого количества антропологических

данных), при расширении которой, зафиксированные варианты отклонения положения конечностей костяка «от нормы», наверняка бы смогли дать иные результаты.

IV.3. Анализ погребального инвентаря.

Проведение анализа предметов, зафиксированных при умерших, способно предоставить исследователю крайне большой пласт информации, необходимый для реконструкции культурного аспекта жизни общества, а также позволяющий более четко определить общепринятые погребальные действия, необходимые для «правильного», с точки зрения древности, захоронения.

В результате исследований, предметы погребального инвентаря были встречены 120 (68, 3%) случаях заполнения могильного комплекса. При этом, 57 (32, 2%) могилы были отнесены к категории «безынвентарных». Однако же, существует проблема с изучением погребального инвентаря некоторых могил, ввиду их ограбления, поэтому, для более детального отражения картины и последующего построения этно-культурных реконструкций, считаю необходимым исключить из выборки ограбленные комплексы, а именно: могилы №№ 3,4, 14, 28, 48, 89, 97, 119, 155, 166; каменные склепы №№1-4. Таким образом, в выборку было включено 106 погребальных комплексов.

В ходе работ, была предпринята попытка установления практики положения определенного «набора» инвентаря в погребение, исходя из половозрастных особенностей умерших, а также различия в типе погребальных сооружений. В итоге, в качестве выборки использовались только не потревоженные костяки, у которых удалось выяснить половозрастные данные в ходе антропологического изучения.

Количество выборки среди мужчин, зафиксированных в погребальных сооружениях типа D, соответствовало 39 костякам. При этом, возрастные данные были получены у 28 захороненных. Примечателен тот факт, что 26 из них являются зрелыми мужчинами, начиная от 30 лет. В результате, в качестве самых распространенных изделий были установлены: ножи, фибулы, кости животных, краснолаковая посуда, браслеты, бусы, лепные сосуды, поясные кольца, наконечники стрел. Таким образом, по своему утилитарному значению эти предметы распадаются на несколько групп: имеющие отношение к пище и ее употреблению (краснолаковая посуда, лепные сосуды, ножи, кости животных); имеющие отношение к вооружению (наконечники стрел); имеющие функциональную бытовую нагрузку (фибулы, браслеты, бусы, поясные кольца). Остальные предметы немногочисленны или единичны. Также, не удалось выявить определенных наборов инвентаря, свойственных возрастным различиям (Рис. 31).

Количество выборки среди женщин, зафиксированных в погребальных сооружениях типа D, соответствовало 30 костякам. При этом, возрастные данные были получены у 19 захороненных. В результате, в качестве самых распространенных изделий были установлены: бусы, лепные миски, кости животных, фибулы, пряслица, краснолаковая посуда, браслеты. Таким образом, по своему утилитарному значению эти предметы распадаются на несколько групп: имеющие отношение к пище и ее употреблению (краснолаковая посуда, лепные миски, кости животных); имеющие функциональную бытовую нагрузку (бусы, фибулы, браслеты); связанные с повседневной работой или же с ритуальными действиями (пряслица) (Мошкова. 2012. 348). Остальные предметы немногочисленны или единичны. Также, не удалось выявить определенных наборов инвентаря, свойственных возрастным различиям (Рис. 32).

Количество выборки среди детей, зафиксированных в погребальных сооружениях типа D, соответствовало 28 костякам. В результате, в качестве

самых распространенных изделий были установлены: бусы, браслеты, подвески, серьги. Все они имеют функциональную бытовую нагрузку. Остальные предметы немногочисленны или единичны (Рис. 33).

Количество выборки среди детей, зафиксированных в погребальных сооружениях типа В, соответствовало 52 костякам. В результате, в качестве самых распространенных изделий были установлены: бусы, подвески, браслеты, серьги. Все они имеют функциональную бытовую нагрузку. Остальные предметы немногочисленны или единичны (Рис. 34).

В остальных случаях выборка крайне малочисленна, что не несет в себе значимой информативной нагрузки. Полученные результаты не противоречат общим данным всех инвентарных погребений могильника Беляус (Рис. 35).

Следующим шагом была предпринята попытка уловить закономерность количественного распределения инвентаря в отношении половозрастных характеристик погребенных. В выборку вошли представители различных возрастных групп мужского и женского пола, захороненные в погребальных сооружениях типа Д. Остальные случаи исключались из выборки, ввиду своей не информативности.

В итоге, количественные данные распределения различных категорий инвентаря, исходя из возрастных групп погребенных, не дали положительных результатов ни у мужчин, ни у женщин (Рис. 36, 37).

Наконец, был сделан анализ распределения инвентаря относительно костяка погребенного. В выборку вошли все не потревоженные захоронения на могильнике, без учета половозрастных характеристик, т.к. это не несло бы в себе должной информативной нагрузки (Рис. 38).

Таким образом, самой распространенной категорией инвентаря являются бусы. Они были зафиксированы в заполнении 95 погребальных

комплексов (89,6% могил с вещами), что дает право определить описываемую категорию, как «стандартную» для элемента костюма.

В ходе подсчета их размещения на костяке выяснилось, что бусы чаще всего были расположены на шее погребенного, выполняя, видимо, роль ожерелья. Реже бусы были расположены около черепа и под ним. Возможно, что это свидетельство расшивки головного убора. Бусы, обнаруженные около плеч и на груди, также могут являться частью ожерелья, располагавшегося изначально на шее. Существуют немногочисленные (встреченные несколько раз) данные о фиксации бус возле рук, а также ног. Возможность четко атрибутировать полученные данные в рассматриваемых случаях не представляется. Также немногочисленные случаи фиксации бус на тазе и на животе могут натолкнуть на идею о расположении их на поясах или же подолах верхней одежды.

Бисер, пронизи, раковины каури, входящие во многих случаях в состав ожерелья, располагались в большинстве своем на шее.

Касательно браслетов, то они чаще всего фиксировались исследователями на руках и ногах умерших. Если рассматривать случаи обнаружения браслетов в зоне пояса, то это можно объяснить особенностью положения рук умерших (кисти на тазу, кисти под тазом и т.д.). Однако, остаются не совсем понятны эпизоды, когда браслеты были зафиксированы возле черепа и под ним, а также когда они находились на плечах умерших.

Серьги почти во всех случаях были расположены около костяка в зоне черепа (немногочисленны находки описываемой категории инвентаря под черепом).

Большинство подвесок располагалось аналогично бусам - на шее. Немногочисленные случаи попадались при фиксации в зоне черепа и рук, а также возле костяка у стоп.

При изучении расположения бляшек, была выявлена общая тенденция их концентрации в районах: пояса, таза. Этот факт может служить свидетельством того, что бляшками, а большое количество из них сделаны из драгоценных металлов, обшивался либо подол верхней одежды, либо же, они украшали поясы-ремни одежды.

Такая категория инвентаря, как фибулы была зафиксирована исследователями на груди и на плечах (или же у плеч) умершего. При этом, превалирует расположение фибул на правом плече. Также, фибулы были зафиксированы в зоне черепа.

Светильники почти все были встречены около костяка в зоне черепа (за исключением одного случая, когда светильник находился у стоп погребенного).

Пряжки располагались в зоне пояса и таза. Впрочем, это является их нормальным расположением на теле усопшего.

Погребальные приношения в виде тризны, были совершены в заполнении погребальных камер (кроме могилы №19). В большинстве своем в изголовье (или же в зоне черепа вообще) погребенного устанавливалась посуда: краснолаковая, лепная, чернолаковая. В нее помещались кости животных: барана, лошади, коровы, собаки (чаще всего барана), а также железный нож (в единичном случае – это был кинжал).

Под черепами многих костяков были зафиксированы плоские камни. В единичных случаях они находились под тазом и под ногами.

В заполнении погребальных камер были встречены и предметы вооружения. Среди них выделяются относительным большинством наконечники стрел. Их расположение на теле погребенных представляется на первый взгляд весьма необычным. Фиксация наконечников стрел на шее и груди является не типичным для данной категории инвентаря. Из этого

можно сделать вывод, что они могли носиться как амулеты. Об этом может косвенно говорить то, что в одной из могил была найдена необычно большая стрела с отверстием, аналогов которой не найдено.

Помимо вышеупомянутых расположений, наконечники стрел были зафиксированы возле рук и ног, а также у черепа.

Копья, судя по имеющимся у нас данным, были расположены в районе плеч, по обе стороны от умершего. Единственный зафиксированный кусочек железного панциря на Беляусском могильнике располагался в зоне левой руки, а единственный железный дротик справа от груди. Касательно мечей, то они все были зафиксированы у пояса.

Остальной материал является различным в распределении и не составляет определенной структурированности. Впрочем, возможно, что имеющиеся в выборке вещи малочисленны, чтобы показать более информативно распределение инвентаря.

Касательно могил, где были обнаружены предметы вооружения, то в них также проводились антропологические исследования. В заполнении 31 погребального комплекса были зафиксированы остатки как минимум 41 человека, в погребальном инвентаре которых были найдены предметы вооружения: 15 мужчин (3 мужчины (35-45); 7 мужчин (45-55); 1 мужчина (55-65); у 4 мужчин возраст не определен); 3 женщины (20-30, 25-35, 30-45); 3 ребенка; 20 не определены.

Из этого можно сделать вывод, что 6,4% умерших было погребено с предметами вооружения. Также, четко мужскими были определены лишь 2, 3 % от всех захоронений. Такие погребения не могут представлять собой в примитивных обществах большинство мужского населения, способного носить оружие (*Мыц и др. 206. 179*).

Заключение

В результате, выполненная работа состоит из двух дополняющих друг друга частей: хронологии и культурной стратиграфии.

Относительно первой части, то в ходе работ была проведена передатировка всех погребальных комплексов Беляусского некрополя, базирующаяся на современных разработках по хронологии и типологии инвентаря. Основанием этому послужило желание сузить, по возможности, датировку, как отдельных погребальных комплексов, так и всего могильника в целом, для более точной реконструкции исторических событий. Помимо этой причины, несмотря на тот факт, что монография О.Д. Дашевской, посвященная могильнику Беляус, была опубликована в 2014 г., большинство ссылок на датировку комплексов восходят еще к моменту работ на некрополе, т.е. к 1970-м гг. Однако, применение научных работ последних лет в качестве опорного датирующего материала, позволило лишь уточнить период бытования отдельных типов вещей, тем самым подтвердив, в целом, верность датировки памятника О.Д. Дашевской.

Далее, основываясь на материалах современных датировок, была проведена работа по реконструкции исторической планиграфии могильника Беляус.

Памятник функционировал в период нач. II в. до н.э. – сер. I в. н.э. При этом, с годами, могильник рос с севера на юг (вверх по склону в направлении городища Беляус). Также, удалось выяснить, что типы погребальных сооружений, выявленных на территории памятника, разновременны в своем появлении. Так, захоронения в амфорах восходят к греческим, и отмечены в кон. III – нач. II в. до н.э. Хронология грунтовых могил установлена довольно широко, и охватывает весь период бытования могильника. Однако, ввиду малой выборки и большой широты выявленных

хронологических диапазонов, надежно выделить период бытования данного типа погребальных сооружений не удалось.

Однокамерные земляные склепы отмечены за весь период бытования памятника. Двухкамерные земляные склепы функционируют в период нач. II – кон. I вв. до н.э. Подбойные могилы появляются только с нач. I в. до н.э. и функционируют до сер. I в. н.э. Каменные склепы функционируют с нач. - до сер. I в. н.э.

Относительно второй части работы, то она представляла собой анализ культурной стратиграфии памятника и состояла из трех глав: анализа погребальных сооружений, анализа останков погребенных, анализа погребального инвентаря.

В первой главе было дано детальное описание особенностей различных типов погребальных сооружений, а также были присвоены им условные обозначения. Помимо этого, было изучено количественное соотношение типов погребальных сооружений. Всего в ходе исследования на территории некрополя было выявлено 177 могил. В количественном отношении выявленные типы погребальных форм распределяются следующим образом: подбойные могилы - 93 (52, 5%); земляные склепы - 58 (32, 7%) (среди них однокамерные занимают – 54 (30, 5%), двухкамерные – 4 (2, 3%); грунтовые могилы – 19 (10, 7%); каменные склепы – 4 (2, 3%); кремации в амфорах - 2 (1, 13%). При проведении пространственного анализа, на планиграфии Беляусского некрополя не было выявлено четко сформулированной системы расположения различных типов могил.

Во второй главе был произведен анализ останков погребенных. Было составлено представление о получении информативности при изучении костяков в заполнении различных типов погребальных сооружений. Удалось выяснить, что основная масса населения Беляусского городища была похоронена в земляных склепах (79% от всех выявленных костяков). При

этом представленный тип погребальных сооружений включал в себя исключительно коллективные захоронения, противопоставляя традиции одиночных умерших, свойственной грунтовым и подбойным могилам.

Также следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев дети были захоронены отдельно от взрослого населения. Некоторые случаи погребения взрослых и детей можно объяснять одновременностью их смерти. Преобладающей ориентировкой среди погребенных оказалась восточная (многочисленны случаи отклонения).

Во всех проанализированных случаях положение тел погребенных, в большинстве своем, универсально: захоронены на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты. Однако стоит отметить, относительно малую выборку костяков (из-за небольшого количества антропологических данных), при расширении которой, зафиксированные варианты отклонения положения конечностей костяка «от нормы», наверняка бы смогли дать иные результаты.

Наконец, в содержании третьей главы удалось выявить «набор» наиболее распространенного инвентаря, свойственный мужчинам, женщинам и детям.

Для мужских погребений в инвентаре характерно несколько групп: имеющие отношение к пище и ее употреблению (краснолаковая посуда, лепные сосуды, ножи, кости животных); имеющие отношение к вооружению (наконечники стрел); имеющие функциональную бытовую нагрузку (фибулы, браслеты, бусы, поясные кольца).

Для женских погребений в инвентаре характерно несколько групп: имеющие отношение к пище и ее употреблению (краснолаковая посуда, лепные миски, кости животных); имеющие функциональную бытовую нагрузку (бусы, фибулы, браслеты); связанные с повседневной работой или же с ритуальными действиями (пряслица).

Для детских погребений в инвентаре характерны: бусы, браслеты, подвески, серьги. Все они имеют функциональную бытовую нагрузку. К сожалению, не удалось выявить определенные наборы инвентаря, которые были свойственны возрастным различиям погребенных одного пола. В конце, был произведен анализ распределения инвентаря относительно костяка погребенного.

В итоге, подробная работа с хронологией и культурной стратиграфией памятника могут говорить о том, что уход греческого населения с территории городища Беляус был осуществлен в начале II в. до н.э. Сразу же за этим, данное место занимает скифское население, оставившее могильник Беляус.

Основной формой погребального сооружения для большинства населения является земляной склеп. Отмечена традиция захоронения детей в отдельных склепах от взрослого населения. Однако, в нач. I в. до н.э. наряду с коллективными погребениями детей в земляных склепах, появляется новый тип погребального сооружения – подбойная могила, предназначенный также для захоронения детского населения, но одиночно (отмечено лишь несколько коллективных захоронений). При этом, инвентарь захороненных детей из разных погребальных сооружений абсолютно идентичен друг другу. Также, следует отметить, что в подбойных могилах были встречены несколько случаев погребений взрослых. Примечательно, что таких случаев встречено всего пять (мог. №№46; 57; 120; 125; 163). При этом четверо из них - это захоронения взрослых мужчин (кроме могилы №125), и что еще интереснее, все эти погребения тяготеют к рубежу эр.

Исходя из этого факта, можно опровергнуть тезис О.Д. Дашевской о том, что захоронения в подбойных могилах взрослых людей обусловлено социальными различиями (Дашевская. 2014. 92). Можно предположить, что достаточная малочисленность погребений взрослых людей в подбоях, а также тяготение захоронений к одной дате (рубеж эр), иллюстрирует нам

пример этнических различий погребенных от основной массы населения Беляусского городища, а вовсе не социальных. Если даже предположить, что эти погребения демонстрируют пример социального/экономического расслоения со знаком минус, то вопрос, почему количество этих погребений настолько мало, остается открытым.

Еще одной особенностью I в. н.э. является появление каменных склепов. Само по себе строительство подобных сооружений требовало немалых трудозатрат. Следовательно, можно предположить, что в нач. I в. н.э. население Беляусского городища начинает процесс социального расслоения со знаком плюс. Это значит, что из среды равных в социальном и экономическом плане общинников, начинает выделяться верхушка, статус которой был, несомненно, выше. Касательно погребений в грунтовых могилах, то приход к каким – либо выводам, на основании скудной информации, довольно сложен. Можно лишь отметить, что по размерам данные сооружения предназначались именно детям.

На основании того, что лишь 6,4% умерших было погребено с предметами вооружения (причем, четко мужскими были определены только 2, 3 % от всех захоронений), эти погребения не могут представлять собой в примитивных обществах большинство мужского населения, способного носить оружие (*Мыц и др. 2006. 179*). Следовательно, можно сделать вывод о том, что Беляусское общество не было военизированным (или же обряд положения в могилу предметов вооружения был не очень распространен).

В итоге, все проведенные анализы культурной стратиграфии Беляусского некрополя указывают на тот факт, что общество с нач. II в. - по рубеж эр было однородным в своем плане. Однако, в нач. I в. н.э. из среды общинников выделяется верхушка, для которой были характерны захоронения в каменных склепах.

Список публикаций

1. Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. – М.: «Наука». - 104 с.
2. Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. - М.: «Наука». – 109 с.
3. Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. - М.: «Наука». – 104 с.
4. Алексеева Е.М. 2014. Аспекты культа Афродиты в Горгииппии (поздний эллинизм и первые века нашей эры) // Древности Боспора. Вып. 18. – с. 7-34.
5. Амброз А.К. 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. - М.: «Наука». – 111 с.
6. Антонов Е.Е. 2016. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: Проблемы датирования и атрибуции // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2(52). - Магнитогорск – с. 178-195.
7. Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. – М.: «Наука». – 152 с.
8. Берлизов Н.Е., Винидиктов А.П. 2000. К оценке информативных возможностей сарматского погребального обряда // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). - Краснодар. – С. 135-145.
9. Берлизов Н.Е., Пьянков А.В. 2015. Выявление обрядовых индикаторов половозрастной принадлежности погребенных методами многомерного анализа (по материал могильников III-VII вв. Черноморского побережья Кавказа) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной конференции. – М.– с. 12-13.

10. Бунятян Е.П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.) - Киев: Наукова думка. – 127 с.
11. Власов В.П. 2015. Лепная керамика городища Алма-Кермен (материалы раскопок 2004-2007 гг.) //МАИЭТ. Вып. XX. - Симферополь – с. 79-94.
12. Внуков С.Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. – СПб.: «Издательство Алетейя». – 318 с.
13. Внуков С.Ю. 2010. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо - Западном Крыму // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. I. – М.– Киев - с. 37-42.
14. Внуков С.Ю., Коваленко С.А. 1998. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // ТГИМ. Вып. 102 (Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Вып. I.) - М. – с. 61-75.
15. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // ТГИМ. Вып. 118. – М. – с. 96-122.
16. Внуков С.Ю., Мордвинцева В.И. 2008. Наконечник браслета в «зверином стиле» с городища Кара-Тобе // Древности Боспора. Вып. – М. 12 (I). – с. 114-126.
17. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной конференции. - М. – с. 16-19.
18. Высотская Т.Н. 1994. Усть-Альминское городище и его некрополь. – Киев: «Киевская Академия Евробизнеса».- 206 с.
19. Высотская Т.Н. 2003. О времени гибели позднескифского государства в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4(36).- с. 38-45.

20. Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник.- Киев: Наукова думка. – 190 с.
21. Гаврилов А.В., Труфанов А.А. 2014. Святилище Туар-Алан Пв. до н.э.- первой половины I в. н.э.в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. –с. 73-152.
22. Гаврилюк Н.А.,Молев Е.А. 2013. Лепная керамика Китея // Древности Боспора. Вып. 17. – М. – с. 65-109.
23. Гапкало О.В. 2015. Социальная стратификация носителей Черняховской культуры (по погребальным памятникам) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной конференции. – М. – с. 26-28.
24. Гришаков В.В., Давыдов С.Д. 2013. К вопросу о реконструкции социальной структуры населения, оставившего селикса – трофимовский(древнемордовский) могильник IV-V вв. // Поволжская археология. Вып. № 4(6).– с. 96-106.
25. Дашевская О.Д. 1971: Скифы на Северо-Западном побережье Крыма в свете новых открытий // МИА. Вып. 177. – с. 151-155.
26. Дашевская О.Д. 1991. Поздние Скифы в Крыму// Свод археологических источников. Вып. Д1-Д7. – М. – 140 с.
27. Дашевская О.Д. 2001. Земляной склеп №39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма. ТГИМ. Вып. 118. – М. –с. 87-95.
28. Дашевская О.Д. 2014. Некрополь Беляус. – Симверополь.: ЧП «Предприятие Феникс». – 284 с.: илл.
29. Дашевская. О.Д.,Михлин Б.Ю. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. Вып. 3. – с. 129-148.

30. Дашевская О.Д, Лордкипанидзе Г.А. 2004. Монеты Диоскуриады на городище Беляус (Крым) // Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. XI. - Тбилиси – с. 173-180.
31. Диатроптов П.Д. 2012. Мегарские чаши с сюжетными изображениями из раскопок городища Беляус //ТГИМ. Вып. 191. – М. – с. 89-99.
32. Егорова Т.В. 2007. Чернолаковая керамика середины III – третьей четверти II вв. до н.э. из греческих слоев городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. – М. – с. 313-337.
33. Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А. 1993. Погребальный обряд савроматской культуры как объект комплексного исследования формализованно-статистическими методами // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара) Часть II. – Краснодар –с. 51-59.
34. Журавлев Д.В. 2010. О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 27. – Магнитогорск– с. 264-276.
35. Журавлев Д.В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. I (43). – Магнитогорск– с. 59-85.
36. Зайцева К.И. 2001. Лепные чашки на ножках конца VII-I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Часть вторая // Археологические вести. Вып. 8. – с. 160-171.
37. Зайцев Ю.П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.) – Симферополь: «Универсум». - 212 с.:илл.
38. Зайцев Ю.П. 2011. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III-I в. до н.э. // Боспорский феномен: население, языки, контакты. – СПб.- с. 584-292.

39. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. Вып. 2. – с. 135-154.
40. Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. Вып. 16. – 263 с.
41. Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. – Киев: Наук.думка.- 141 с.
42. Зубарев В.Г. 2013. Две могилы «с заплечиками» из некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму // Древности Боспора. Том. 17. – с. 159-175.
43. Каменецкий И.С. 1999. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. - М.: «Восточная литература» – с. 137-147.
44. Костенко В.И. 1979. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. Вып. 4. – с. 189-201.
45. Крадин Н.Н., Тишкин А.А., Харинский А.В. 2005. Социальная структура ранних кочевников Евразии – Иркутск: Из-во.: Ир-го гос. тех. ун-та. – 230 с.
46. Краснов С.В. 2012. Методика исследования погребального обряда // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского №27. – с. 744-747.
47. Кропотов В.В. 2000. Переселение сарматов в Крым на рубеже 1-2 вв. н.э.// Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар.– С. 46-50.
48. Кропотов В.В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: Изд-во«АДЕФ-Украина». – 384 с.,илл.
49. Кропотов В.В. 2015. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского гос. уни-та. Серия

- 4:история, регионоведение, международные отношения. Вып II. – с. 18-24.
50. Кузнецова Т.М. 1987. Зеркала из скифских памятников VI-III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение)//СА. Вып. I.–с. 35-48.
51. Кызласов И.Л. 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // РА. Вып. II. – с. 99-104.
52. Лагуткина Е.В. 2010. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // КСИА. Вып. 224. – с. 19-33.
53. Ланцов С.Б., Власов В.П., Смекалов С.Л., Шапцев М.С. 2015. Первые исследования могильника «марьинское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму // ИАК. Вып. II. – с. 157-180.
54. Ланцов С.Б., Шапцев М.С. 2016. «Мегарские» чаши из сборов и раскопок А.С. Голенцова в 70-90-х гг. XX в. на городище Кульчук // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. – с.397-410.
55. Леонова Е.В. 2014. Мезолитическая стоянка Белый колодец 1: пространственный анализ // Проблемы археологии эпохи камня. – спб. – С. 142-164.
56. Лысенко А.В., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И. 2015. Могила №1 некрополя римского времени Лучистое - 2 (Южный Крым) // ИАК. Вып. II. – с. 295-333.
57. Маковская Д.В. 2014. Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт // ПОЛИТЭКС. Том 10. №2. – спб.– с. 215-230.
58. Максимова М.И. 1979. Артюховский курган. Л.: «Искусство». – 150 с.
59. Махнева О.А. 2004. Новые данные о лепной керамике населения Неаполя скифского // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). – Симферополь – с. 100-107.

60. Медведев А.П. 2013. О начале функционирования восточного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 2005-2007 гг.) // Античный мир и археология. Вып. 16. – с. 309-328.
61. Мелюкова А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени ус. Николаевка. – М.: «Наука». – 258 с.
62. Михлин Б.Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. Вып. 3. – с. 193-213.
63. Мордвинцева В.И. 2012. Некрополь как источник по социальной структуре общества // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна (Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции). - Бахчисарай – с. 48-50.
64. Мордвинцева В. И. 2015. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratumplus №4. – с. 115-143.
65. Мордвинцева В.И. 2016. Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политической идентичности на археологическом материале // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. – спб.– с. 251-259.
66. Мордвинцева В. И. 2016. Предметы звериного стиля как инсигнии (на материале погребений варварской элиты Северного Причерноморья III в. до н.э. – сер. III в. н.э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. - Оренбург – с. 189-196.
67. Мошкова М.Г. 2012. О значении пряслиц в погребениях мужчин // Труды ГИМ. Вып. 191. М.– с. 338-351.
68. Мульд С.А., Кропотов В.В. 2013. Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым) // РА. Вып. 3. – с. 114-124.
69. Мульд С.А., Кропотов В.В. 2015. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (Пв. до н.э.-III в. н.э.) // УАВ. Вып. 15.-с. 117-129.

70. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Из-во: СПб ИИ РАН «Нестор-История». – 208 с. – ил.
71. Нифанова Т.С. 2012. Обозначение сторон света как лингвистическая проблема // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. №2. – с. 63-66.
72. Новиченкова Н.Г. 2000. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское седло // РА. Вып. I.–с. 154-167.
73. Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социальные реконструкции // РА. Вып. II.–с. 85-99.
74. Ольховский В.С. 1999. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. - М.: «Восточная литература»– с. 114- 136.
75. Парович-Пешикан. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: «Наукова думка». – 220 с.
76. Погребова Н.Н.1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. №96. – с. 103-213.
77. Подосинов А.В. 1999. Exoriente lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М.: «Языки русской литературы». – 718 с.: илл.
78. Попова Е.А. 1999. Позднескифские городища Северо-Западного Крыма и проблема истоков позднескифской культуры // 60 лет кафедре археологии МГУ им. Ломоносова. - М. – с. 53-155.
79. Попова Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. 2015: Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования // Исторические исследования. Вып. III. – с. 76-112.

80. Пряхин А.Д., Разуваев. Ю. Д. 1994. Клад скифского времени с Семилукского городища на реке Дон //РА. - №4. – с. 185-190.
81. Пуздровский А.Е. 1987. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // Материалы по этнической истории Крыма. - Киев– с. 205-207.
82. Пуздровский А.Е. 1992. Новый участок восточного некрополя Неаполя скифского // РА. Вып. 2. – с. 181- 200.
83. Пуздровский А.Е. 1999: Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. - III в. н.э.)// ХС. Вып. X. с. 208-225.
84. Пуздровский А.Е. 2002. Грунтовый склеп рубежа нашей эры из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время – Киев - с. 162-172.
85. Пуздровский. А.Е. 2007. Крымская Скифия IIв. до н.э. – IIIв. н.э. Погребальные памятники – Симферополь: «Бизнес-Информ». – 480 с. – ил.
86. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. 2015. Два склепа центральной части Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. II. – с. 200-231.
87. Радаев В.В., Шкаратан О.И. 1996. Социальная стратификация: учеб. пособие. – М.: «Аспект Пресс». – 318 с.
88. Стоянова А.А. 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. – с. 263-319.
89. Стоянова А.А. 2005. Металеві підвіски у формісокирокіз Криму // Археологія. Вып.2. – с. 47-54.
90. Стоянова А.А.2008. Бусы из могильника Фонтаны // Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000-2001 гг.) - Симферополь: Из-во «Доля». –с. 17-27.

91. Стоянова А.А. 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Вып. XVII. – с. 116-140.
92. Симоненко А.В. 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья.- СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор – История.-328 с., ил. – (Серия «HistoriaMilitaris»).
93. Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П. 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV-IVвв. до н.э. // Stratum plus. Вып. №3. – с. 65-101.
94. Синика В.С., Тельнов Н. 2015. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // Tyragetia (ArheologieIstorieAntica). Vol. IX [XXIV] nr. 1. - Chisinau- с. 183-208.
95. Скрипкин А.С. 2006. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: Проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I. – Волгоград – с. 5-37.
96. Смирнов Ю.А. 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь М.: «Восточная литература». – 279 с.: илл.
97. Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам могильника Неаполя скифского). – Киев: «Наукова думка». – 172 с.
98. Тишкин А.А., Дашковский П.К. 2003. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи - Барнаул: Из-во.: Алт. Ун-та. - 430 с.
99. Труфанов А.А. 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // ТГИМ. Вып. 118. – М. – с. 71-77.
100. Труфанов А.А. 2004. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь – с. 135-138.

101. Труфанов А.А. 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье// РА. Вып. 3. – с. 160-170.
102. Уженцев В.Б. 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. - II в. н.э.) // Материалы по археологии Крыма. – Симферополь – с. 13-42.
103. Федосова В.Н. 1995. О возможных использованиях антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // РА. Вып. II. – с. 104-112.
104. Фролова Н.А. 2006. Каталог монет античной Тире. – М.: «Наука». – 220 с.
105. Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. – М.: «Наука». – 171 с.
106. Харке Г., Савенко С.Н. проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. Вып. №1. – с. 217-226.
107. Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Б.И. Вып. VI. Симферополь-Керчь. – 239 с.
108. Храпунов И.Н., Мульд С.А. 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 14. - Магнитогорск – с. 239-269.
109. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2014. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднескифского времени //КСИА. Вып. 234. – с. 176-199.
110. Шапцев М.С. 2008. Мегарские чаши позднескифского городища Булганак // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. - Магнитогорск – с. 325-335.
111. Шапцев М.С. 2014. Краснолаковая керамика из позднескифского городища Булганак // ИАК. Вып. I. – с. 210-233.

112. Шауб И. Ю. 1987. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Сев. Причерноморья и Приазовья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (Тезисы докладов конференции)– Краснодар - с. 16.
113. Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука. – 158 с.
114. Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры // КСИА. Вып. 112. – с. 8-13.
115. Щукин М.Б. 1970. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья // КСИА. Вып. 121. – с. 104-113.
116. Щукин М.Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках// Проблемы археологии. Вып. II.-с. 28-33.
117. Щукин М.Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. I. - с. 90-106.
118. Щукин М.Б. 2002. О первом появлении готов в дунайско-причерноморском регионе и начале черняховской культуры // Европа-Азия: Проблема этнокультурных контактов. – спб. - с. 194-214.
119. Щукин М.Б. 2005. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – 576 с.
120. Щукин М.Б. 2011. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. Вып. 4. – с. 167-178.
121. Rotroff S. 1997. Hellenistic pottery. Arhenian and imported Table Ware // The Athenian Agora. – Princenton. Vol. XXIX. – 575 p.
122. Chrzanovski L., Zhuravlev D. 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow // Studiaarchaeologica. 94. - Roma. - p. 217.

Список иллюстраций

Рис. 1. Месторасположение некрополя Беляус на карте Крымского полуострова.

Рис. 2. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э.

Рис. 3. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – второй половине - последней трети II в. до н.э.

Рис. 4. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. - последней трети II в. до н.э.

Рис. 5. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – конце II – начала I вв. до н.э.

Рис. 6. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – первой трети I в. до н.э.

Рис. 7. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – I в. до н.э.

Рис. 8. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – последней четверти – конце I в. до н.э.

Рис. 9. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – последней четверти – конце I в. до н.э. (с учетом комплексов с широкой датой).

Рис. 10. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – рубеже эр.

Рис. 11. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Рис. 12. Планиграфия могильника Беляус относительно городища (Дашевская. 2014. 109. таб. 1).

Рис. 13. Хронология типов погребальных сооружений.

Рис. 14. Планиграфия погребальных сооружений типа А некрополя Беляус.

Рис. 15. Планиграфия погребальных сооружений типа ДI некрополя Беляус.

Рис. 16. Планиграфия погребальных сооружений типа ДII Беляус.

Рис. 17. Планиграфия погребальных сооружений типа В Беляус.

Рис. 18. Планиграфия погребальных сооружений типа С некрополя Беляус.

Рис. 19. Планиграфия погребальных сооружений типа Е могильника Беляус

Рис. 20. Общая планиграфия всех типов погребальных сооружений могильника Беляус.

Рис. 21. Данные о количестве зафиксированных костяков.

Рис. 22. Процентное соотношение выявленных костяков к типам погребальных сооружений.

Рис. 23. Количество костяков с установленной ориентировкой, в погребальных сооружениях типа D.

Рис. 24. Количество костяков с установленной ориентировкой, в погребальных сооружениях типа В.

Рис. 25. Половозрастной состав изученных краниологических материалов из Беляусского могильника (Кондукторова, Ефимова. 2014. 95. таб. 1.).

Рис. 26. Половозрастные характеристики, нанесенные на планиграфию могильника Беляус.

Рис. 27. Анализ положения женских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

Рис. 28. Анализ положения мужских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

Рис. 29. Анализ положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

Рис. 30. Анализ положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа B.

Рис. 31. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных мужских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

Рис. 32. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных женских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

Рис. 33. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных детских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

Рис. 34. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных детских захоронениях в погребальных сооружениях типа B.

Рис. 35. Количество погребений с определенной категорией инвентаря.

Рис. 36. Количественное распределение различных категорий инвентаря, в соотношении с возрастными группами мужских захоронений в погребальных комплексах типа D.

Рис. 37. Количественное распределение различных категорий инвентаря, в соотношении с возрастными группами женских захоронений в погребальных комплексах типа D.

Рис. 38. Распределение категорий инвентаря относительно костяка.

Приложение

Рис. 1. Месторасположение некрополя Беляус на карте Крымского полуострова.

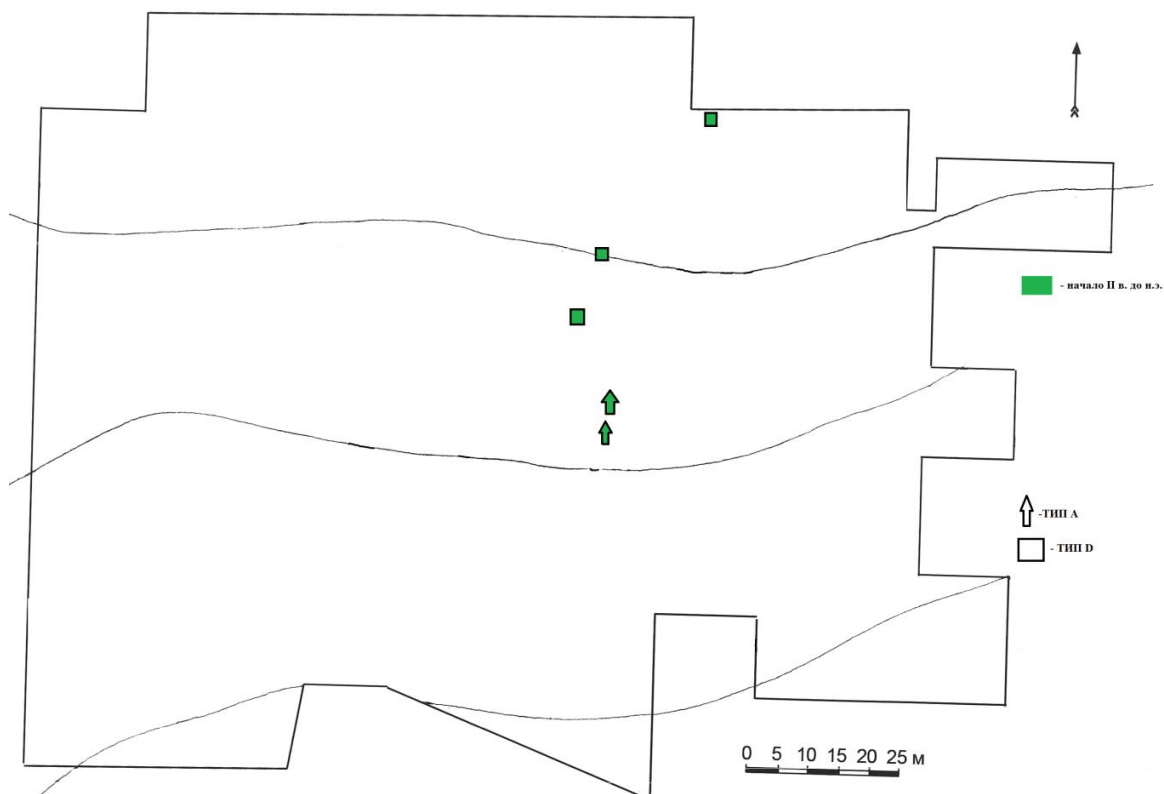

Рис. 2. Развитие исторической планировки могильника Беляус в начале II в. до н.э.

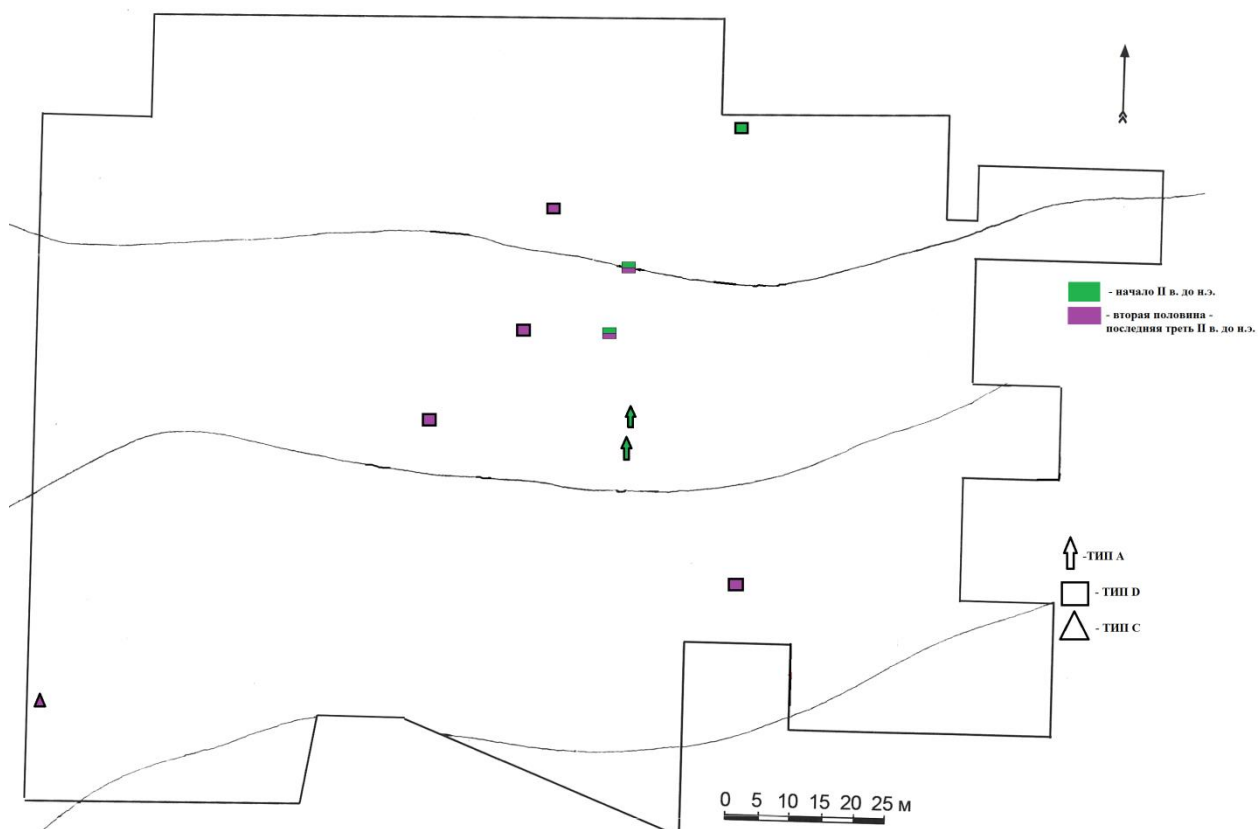

Рис. 3. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – второй половине - последней трети II в. до н.э.

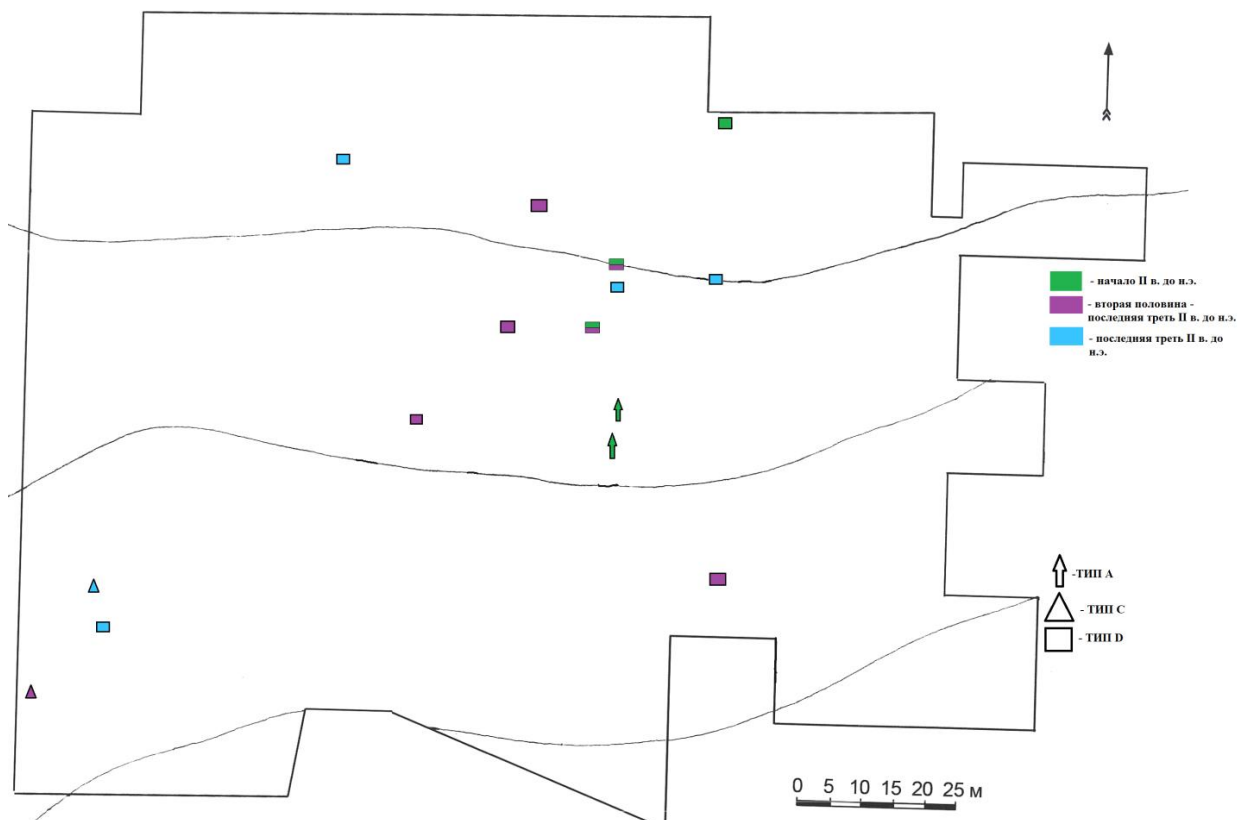

Рис. 4. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. - последней трети II в. до н.э.

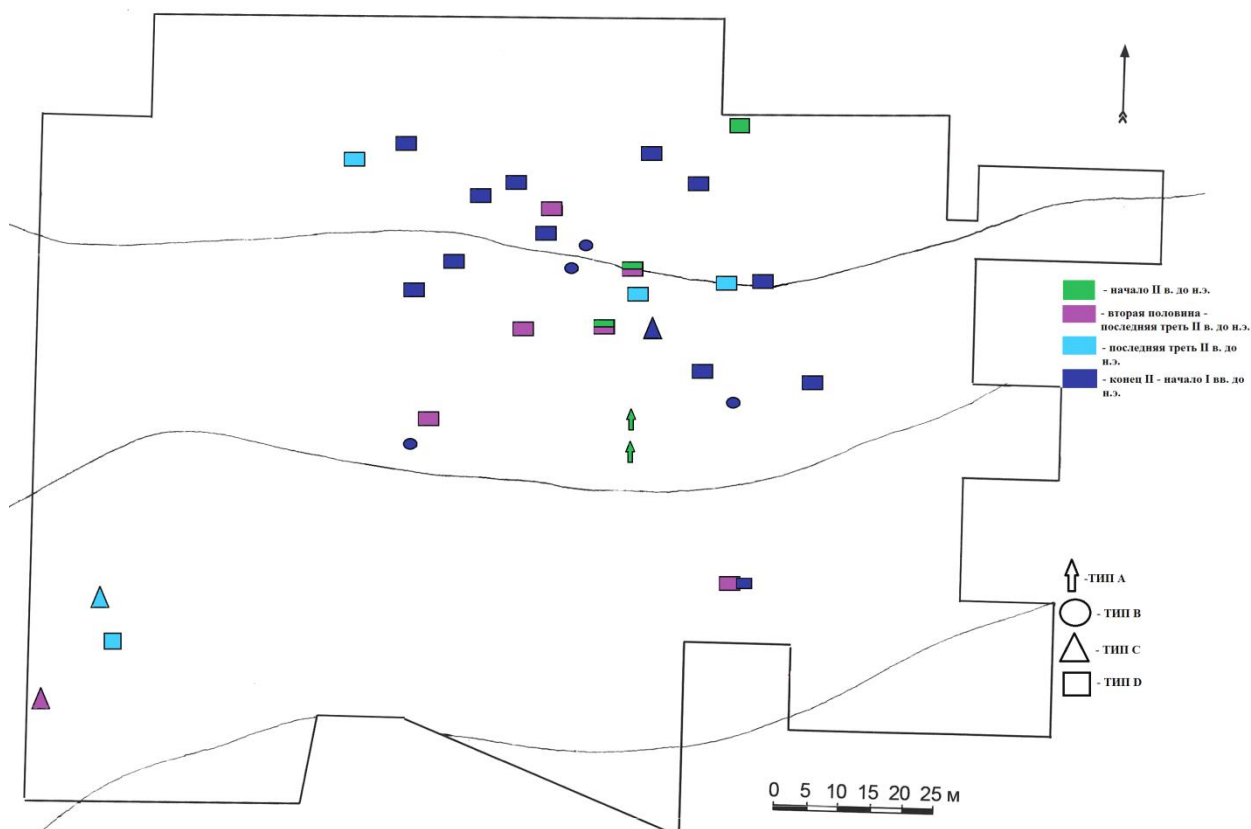

Рис. 5. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – конце II – начале I вв. до н.э.

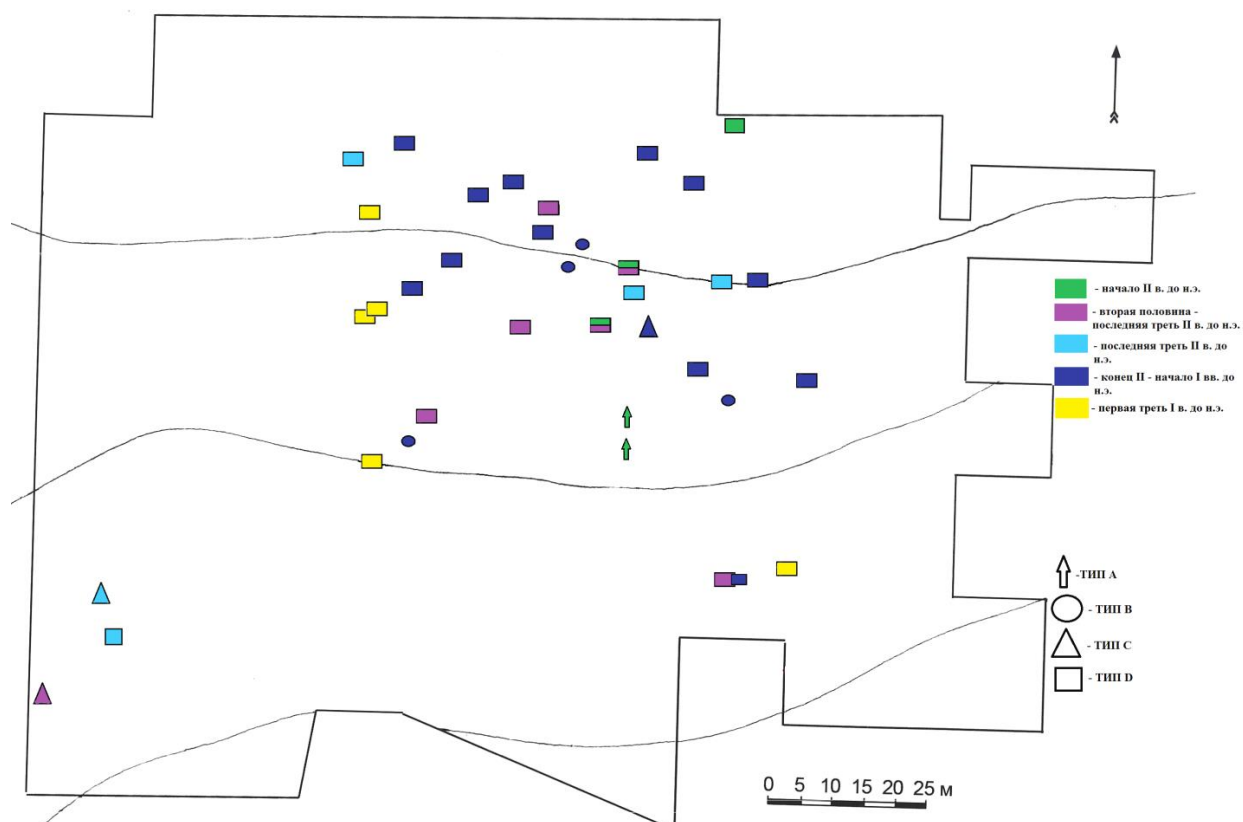

Рис. 6. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – первой трети I в. до н.э.

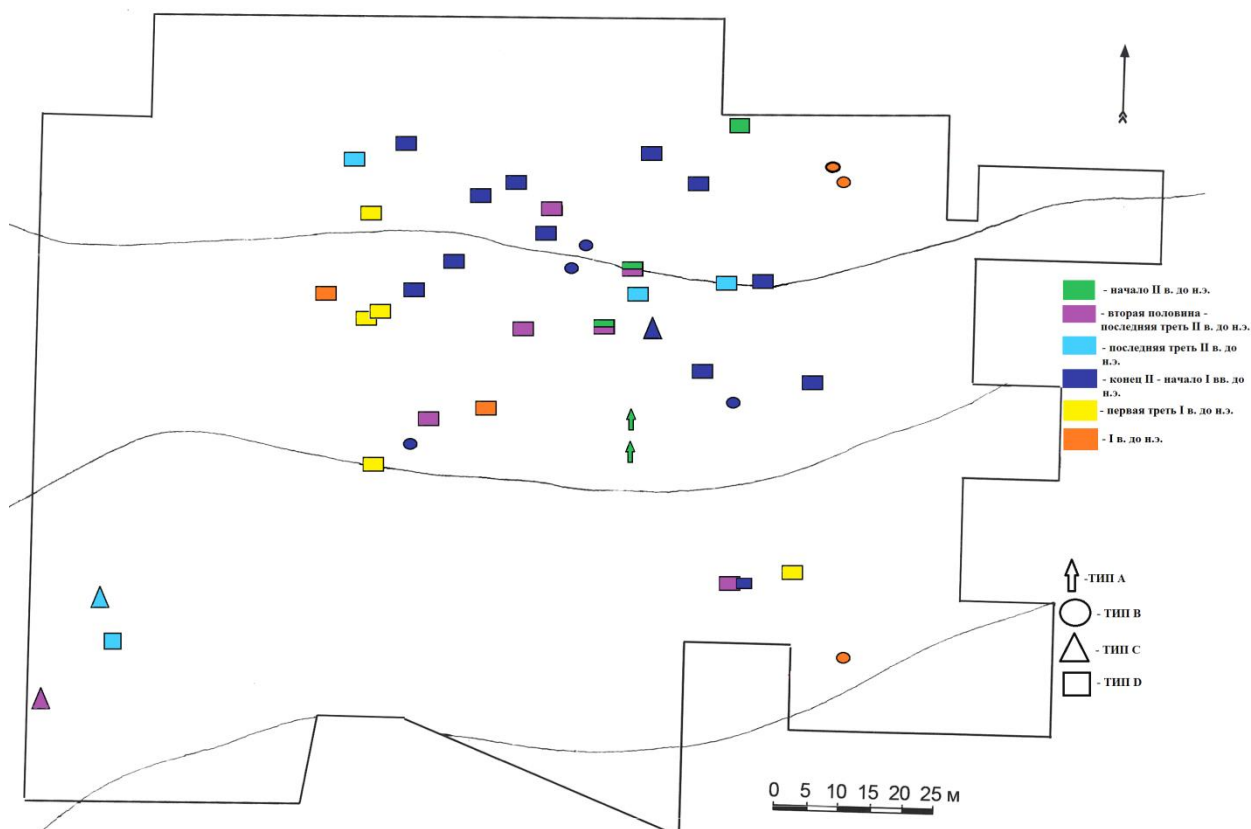

Рис. 7. Развитие исторической планиграфии могильника Беяус в начале II в. до н.э. – I в. до н.э.

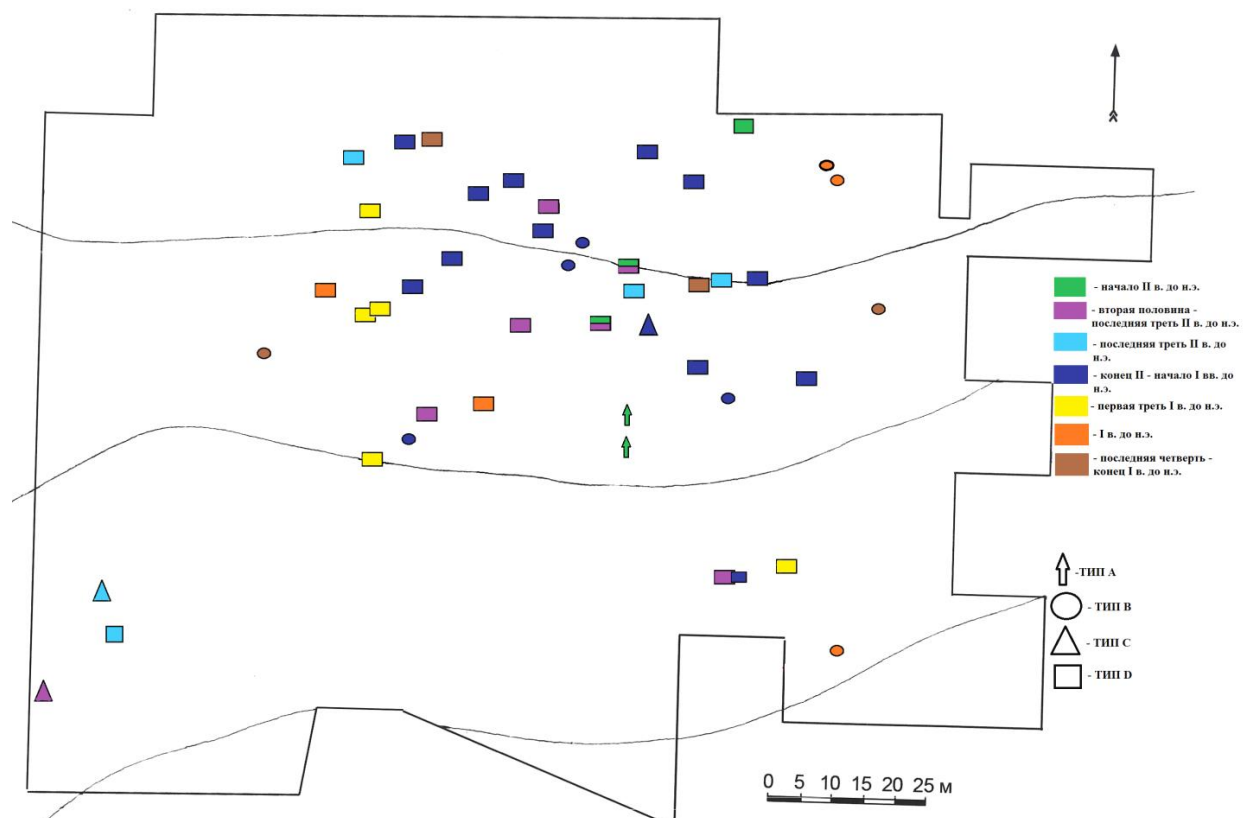

Рис. 8. Развитие исторической планиграфии могильника Беяус в начале II в. до н.э. – последней четверти – конце I в. до н.э.

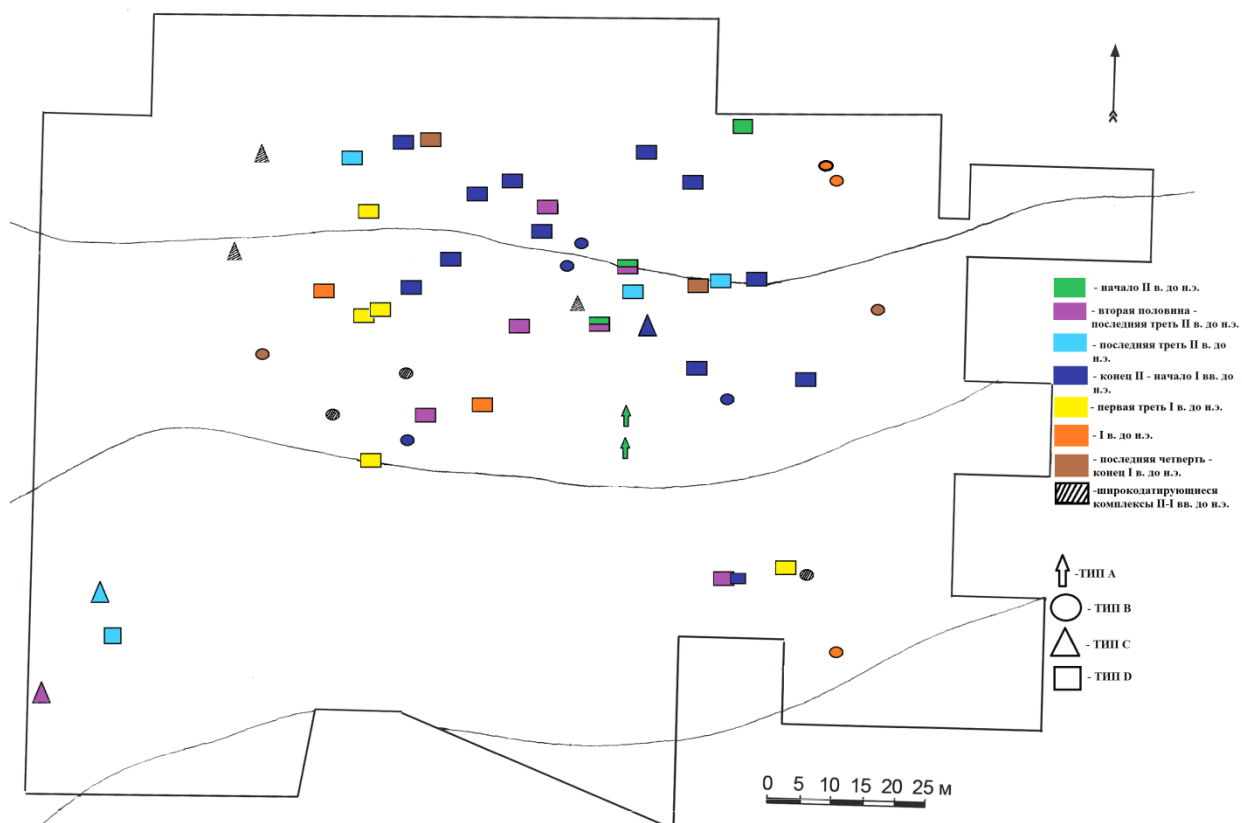

Рис. 9. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – последней четверти – конце I в. до н.э. (с учетом комплексов с широкой датой).

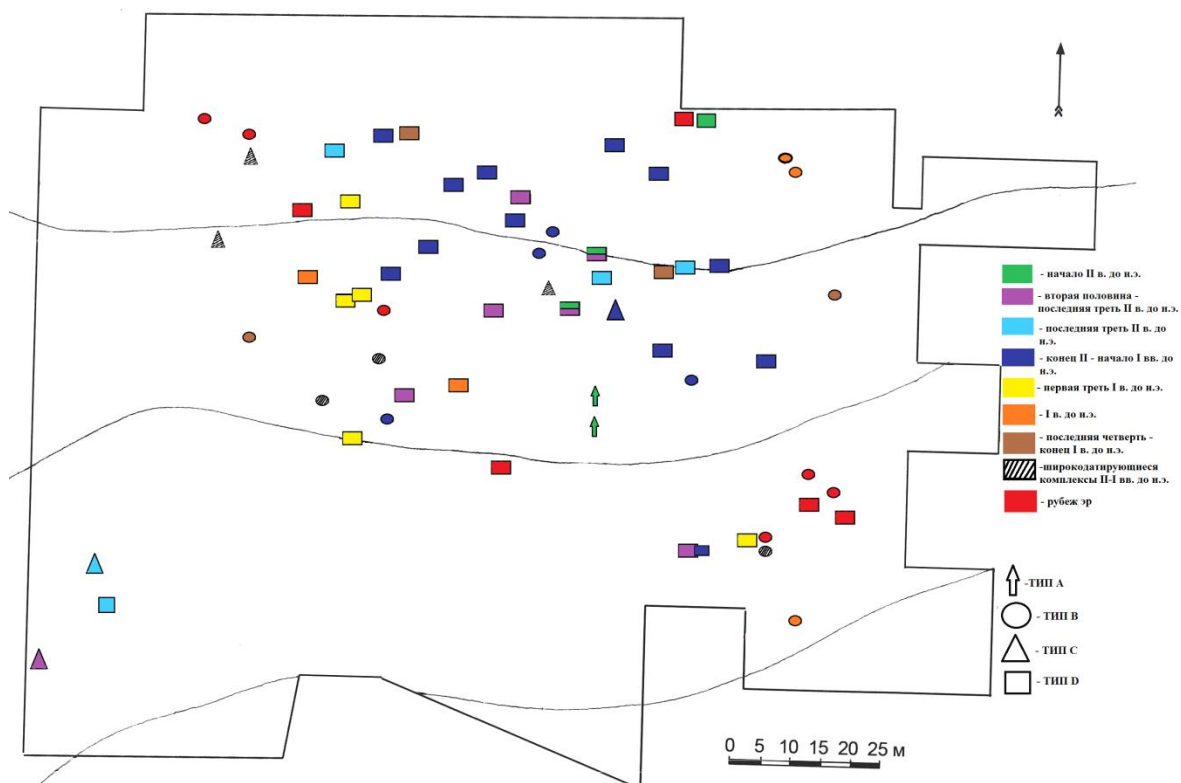

Рис. 10. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – рубеже эр.

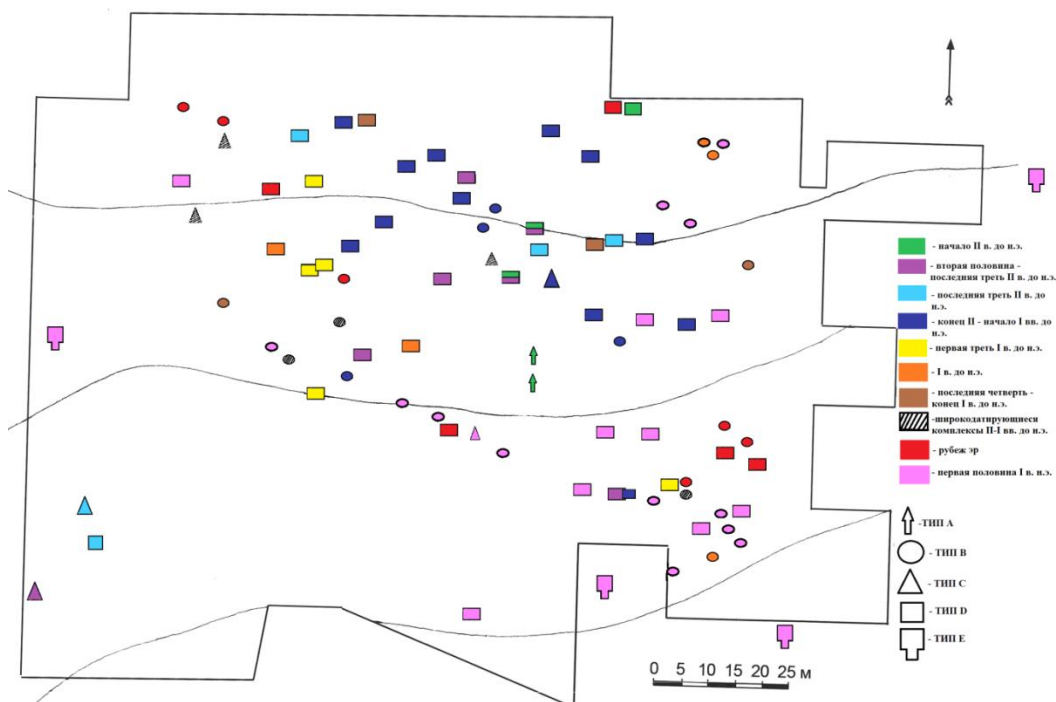

Рис. 11. Развитие исторической планиграфии могильника Беляус в начале II в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

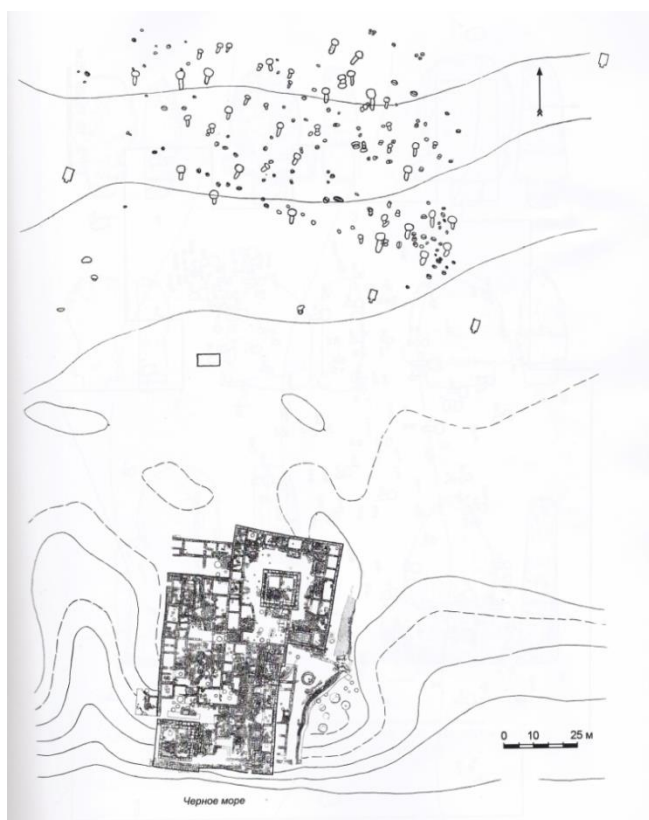

Рис. 12. Планиграфия могильника Беляус относительно городища (Дашевская. 2014. 109. таб. 1).

Тип погребального сооружения	Период существования	Количество погребальных сооружений	Процентное соотношение
Тип А (кремация в амфорах)	III - начало II вв. до н.э.	2	1, 13%
Тип В (подбойные могилы)	начало I в. до н.э. - середина I в. н.э.	93	52, 5%
Тип С (грунтовые могилы)	начало II в. до н.э. - середина I в. н.э.	19	10, 7%
Тип D (земляные склепы)	начало II в. до н.э. - середина I в. н.э.	58	32, 7%
Тип D I (однокамерные земляные склепы)	начало II в. до н.э. - середина I в. н.э.	54	30, 5%
Тип D II (двухкамерные земляные склепы)	начало II в. до н.э. - конец I в. до н.э.	4	2, 3%
Тип E (каменные склепы)	начало - середина I в. н.э.	4	2, 3%

Рис. 13. Хронология типов погребальных сооружений.

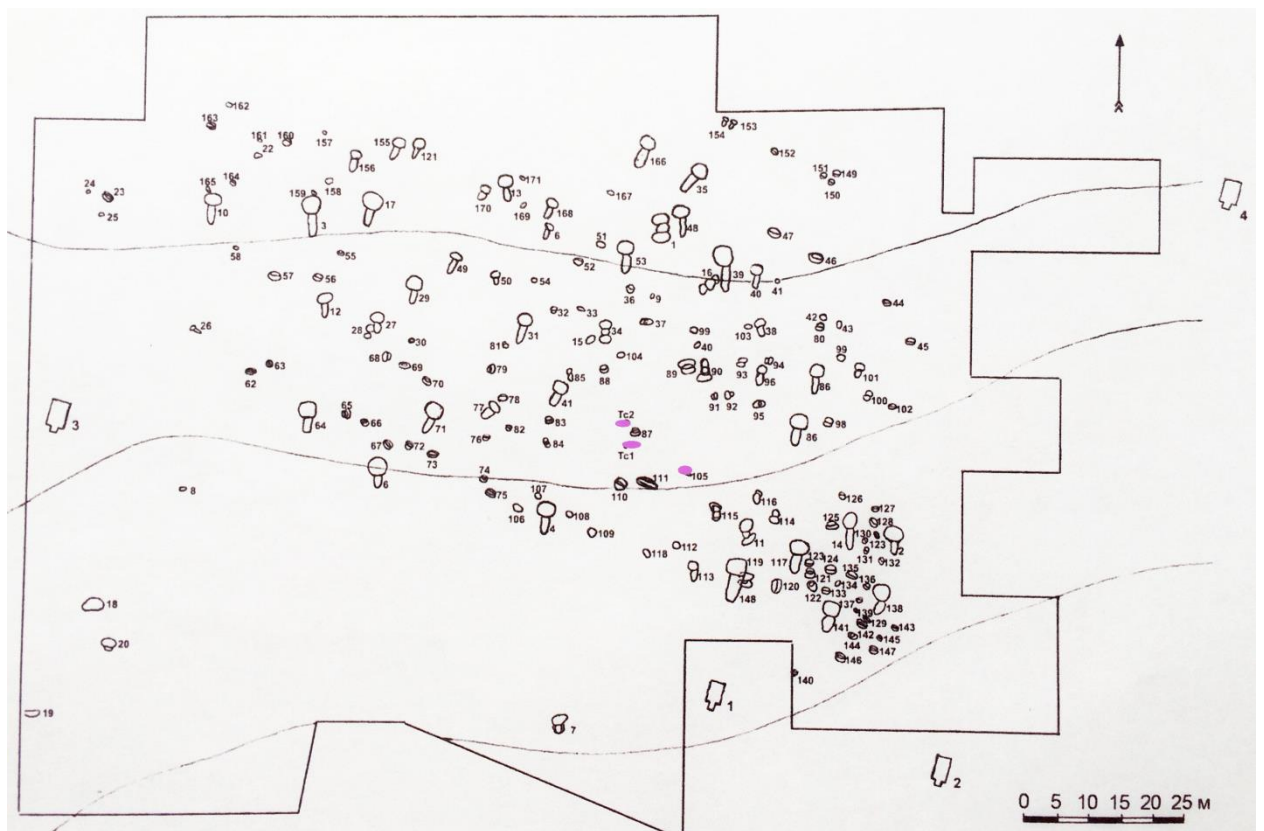

Рис. 14. Планиграфия погребальных сооружений типа А некрополя Беляус.

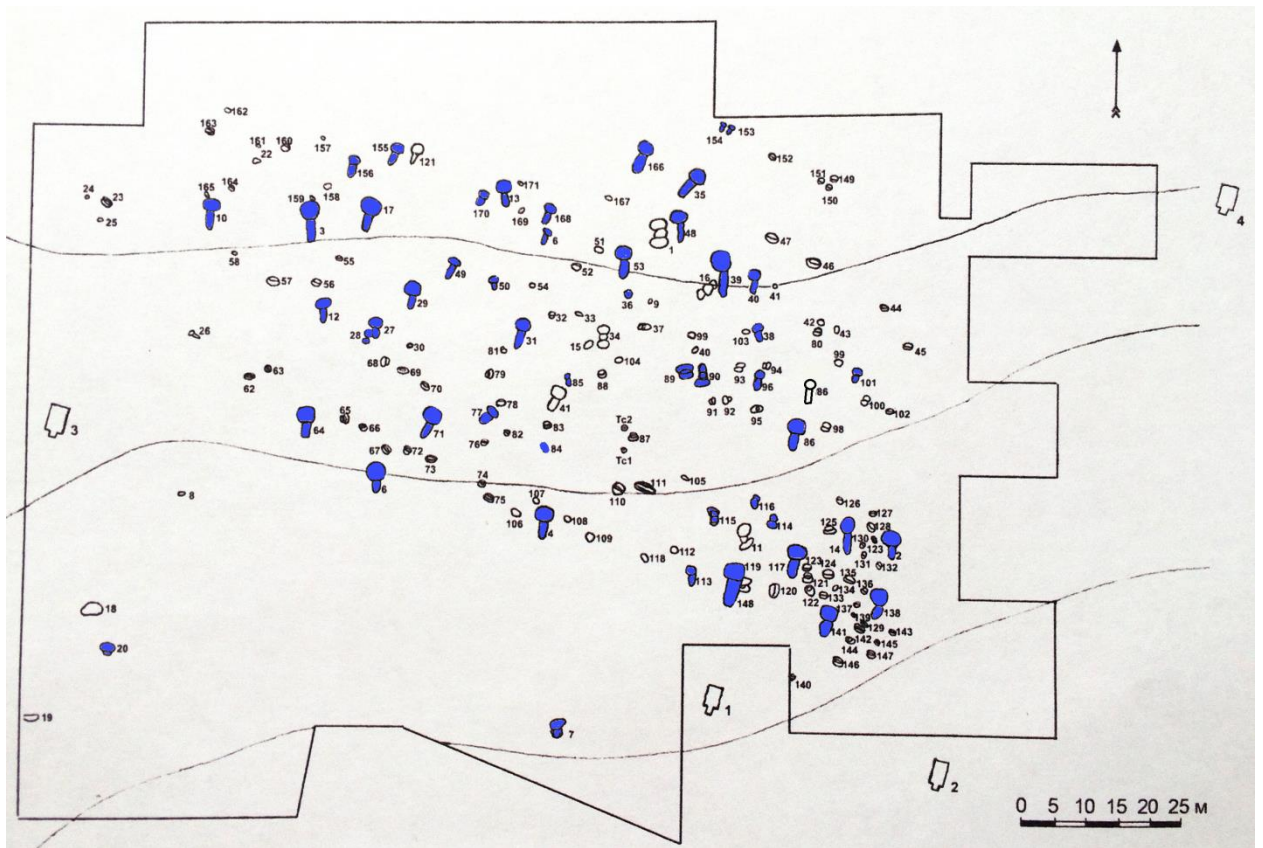

Рис. 15. Планиграфия погребальных сооружений типа DI некрополя Беляус.

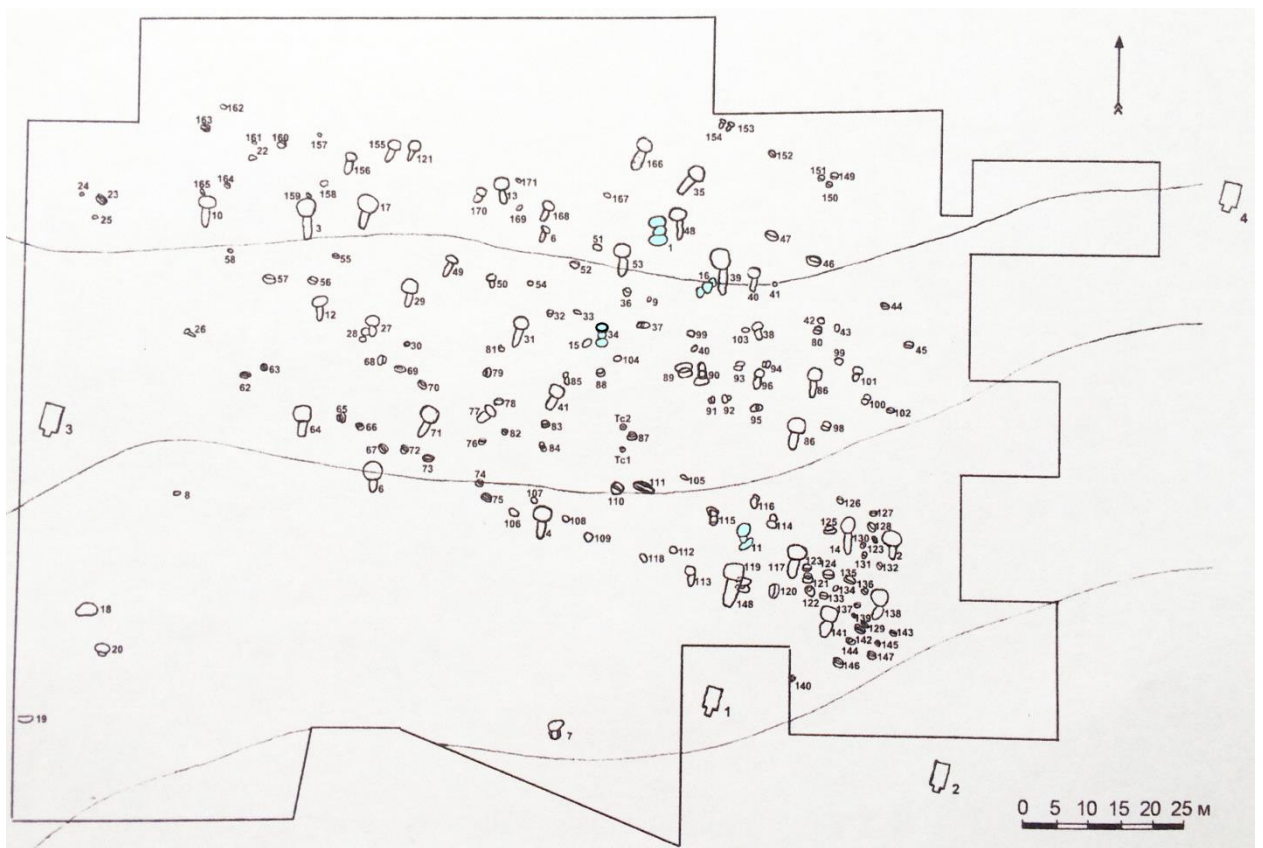

Рис. 16. Планиграфия погребальных сооружений типа DII некрополя Беляус.

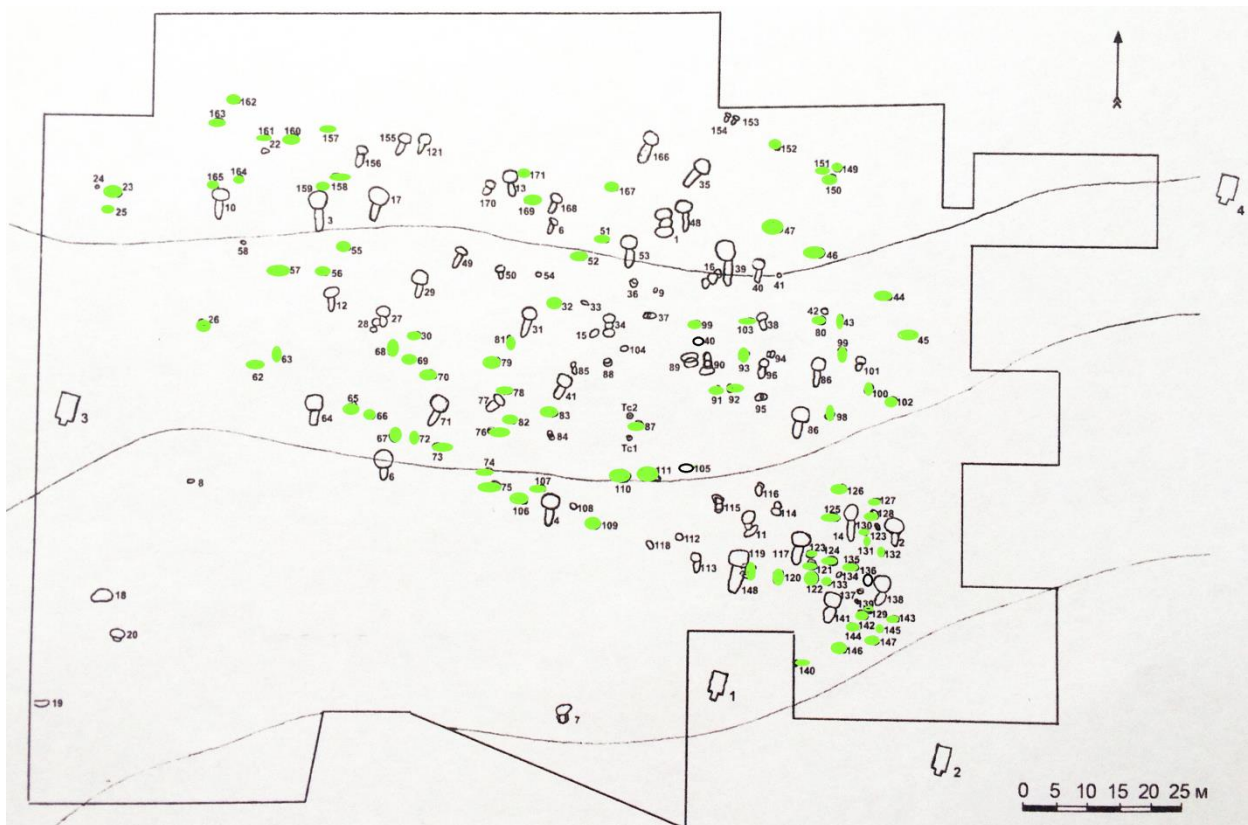

Рис. 17. Планиграфия погребальных сооружений типа В некрополя Беляус.

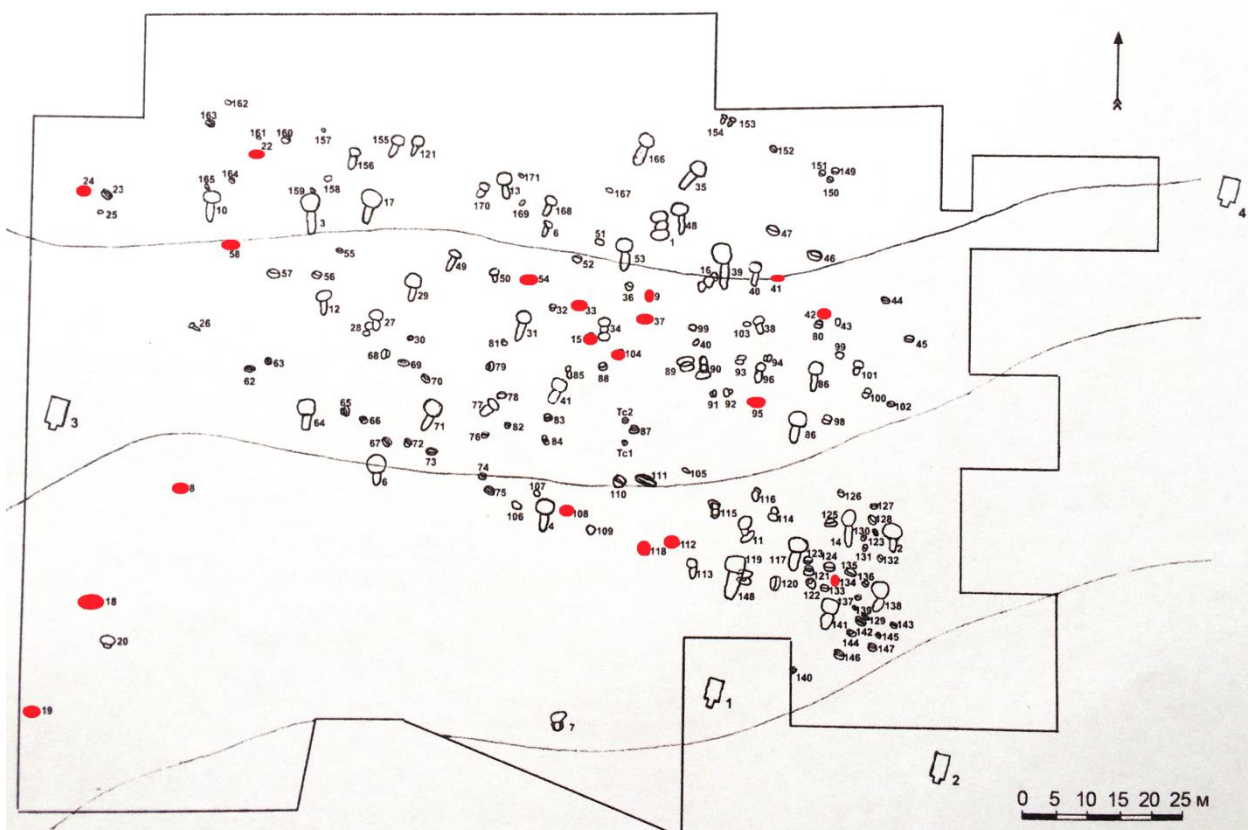

Рис. 18. Планиграфия погребальных сооружений типа С некрополя Беляус.

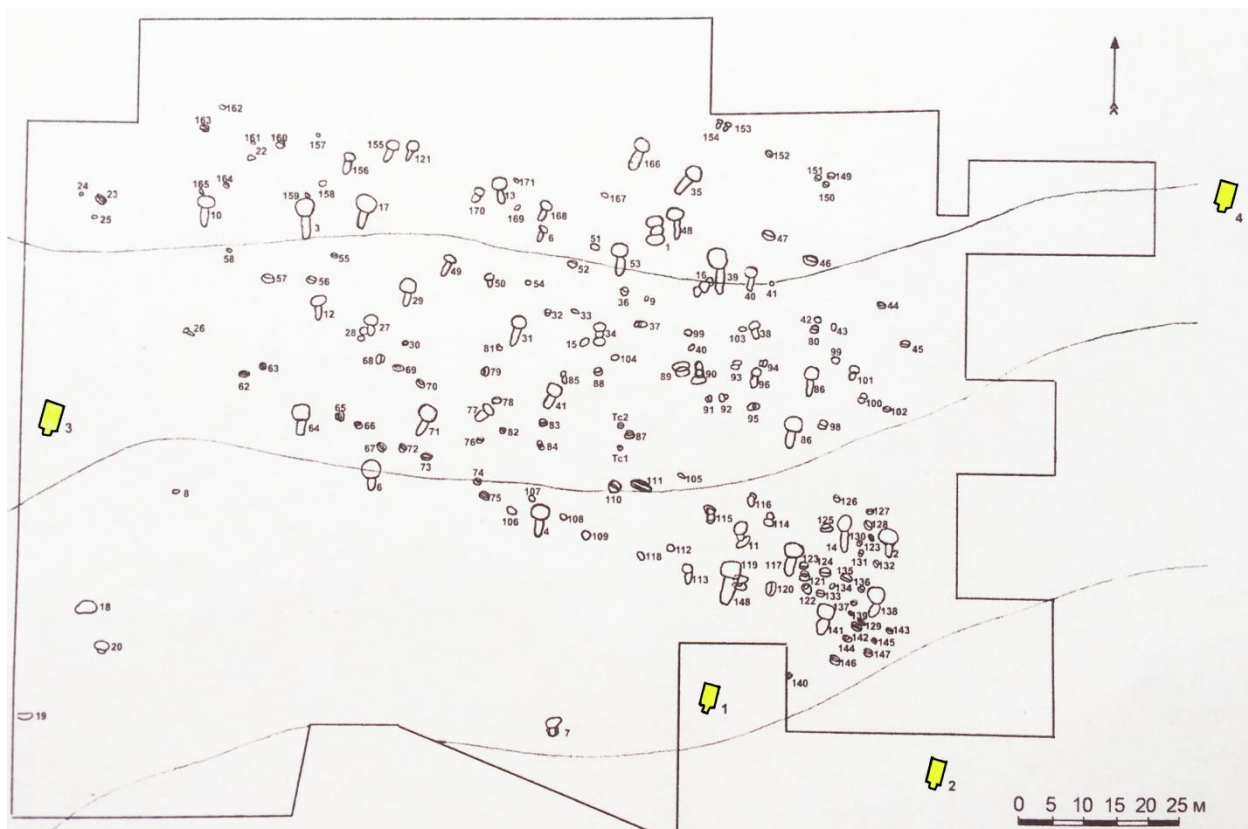

Рис. 19. Планиграфия погребальных сооружений типа Е могильника Беляус.

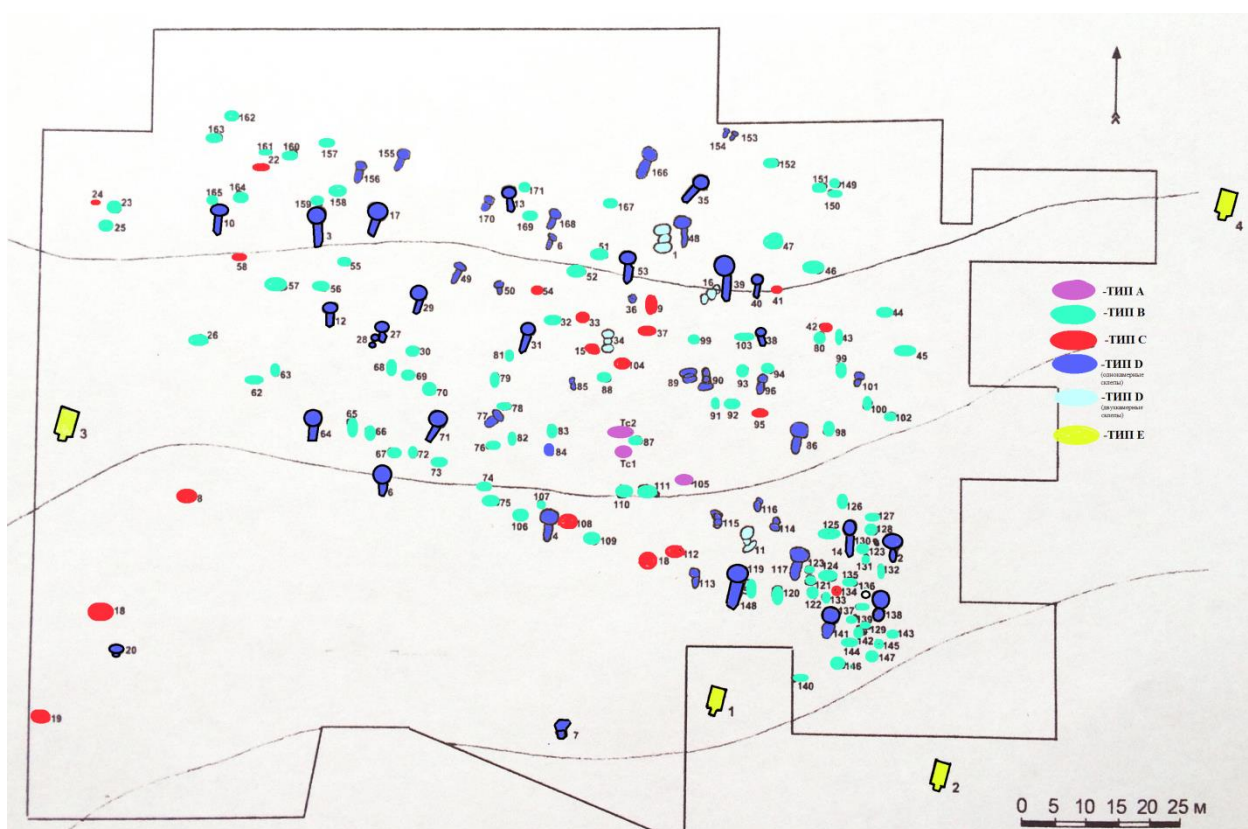

Рис. 20. Общая планиграфия всех типов погребальных сооружений могильника Беляус.

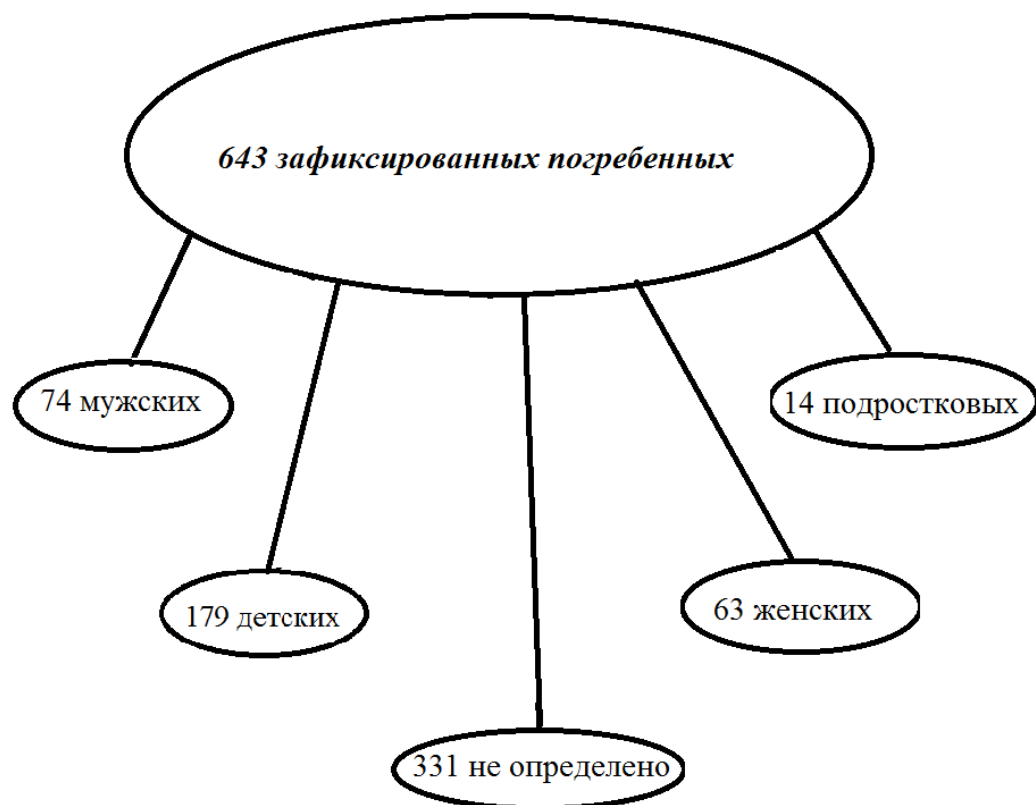

Рис. 21. Данные о количестве зафиксированных костяков.

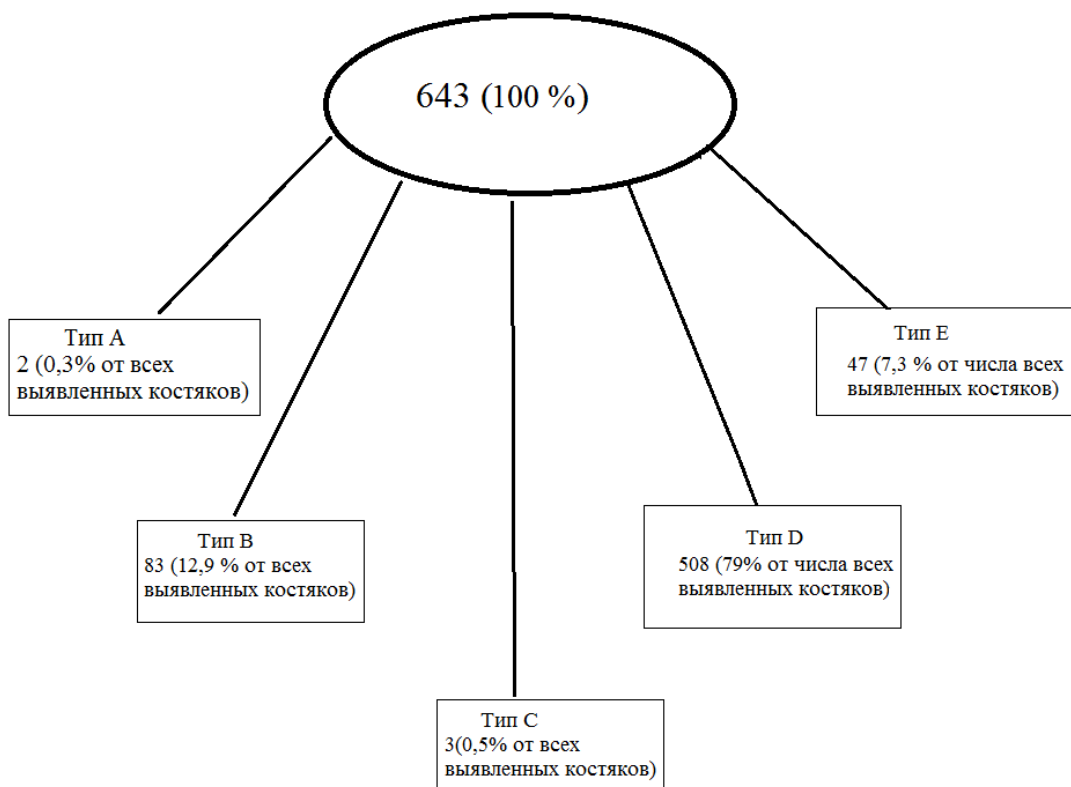

Рис. 22. Процентное соотношение выявленных костяков к типам погребальных сооружений.

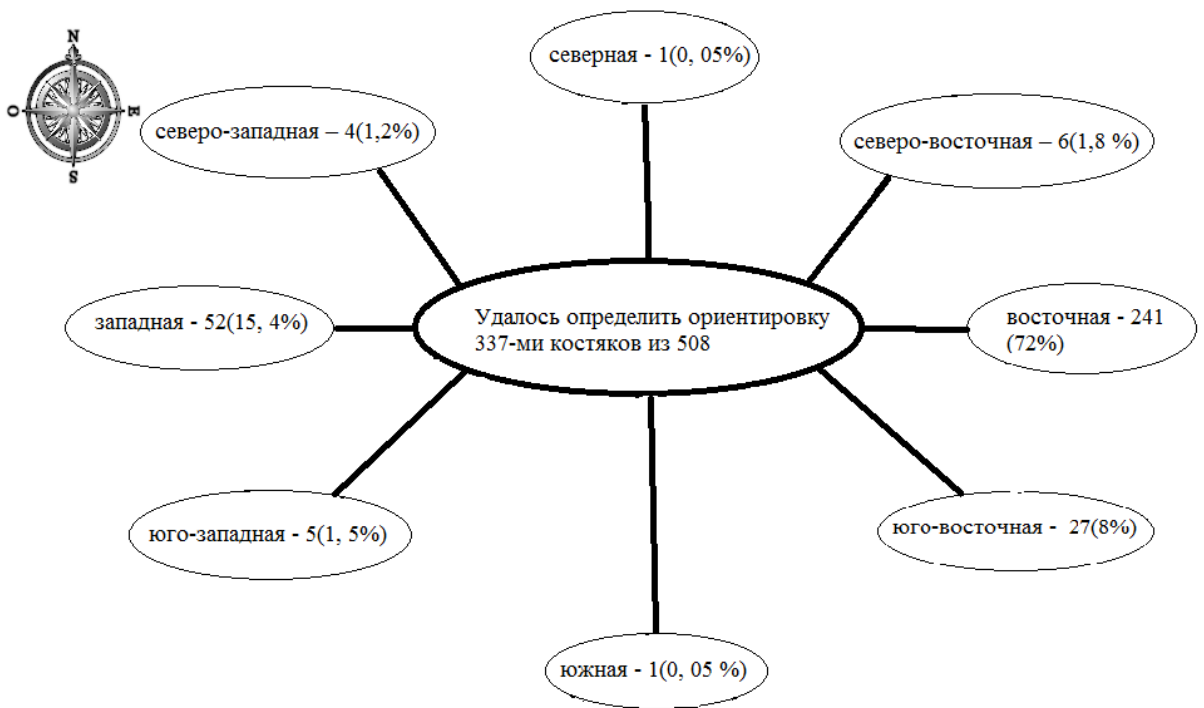

Рис. 23. Количество костяков с установленной ориентировкой, в погребальных сооружениях типа D.

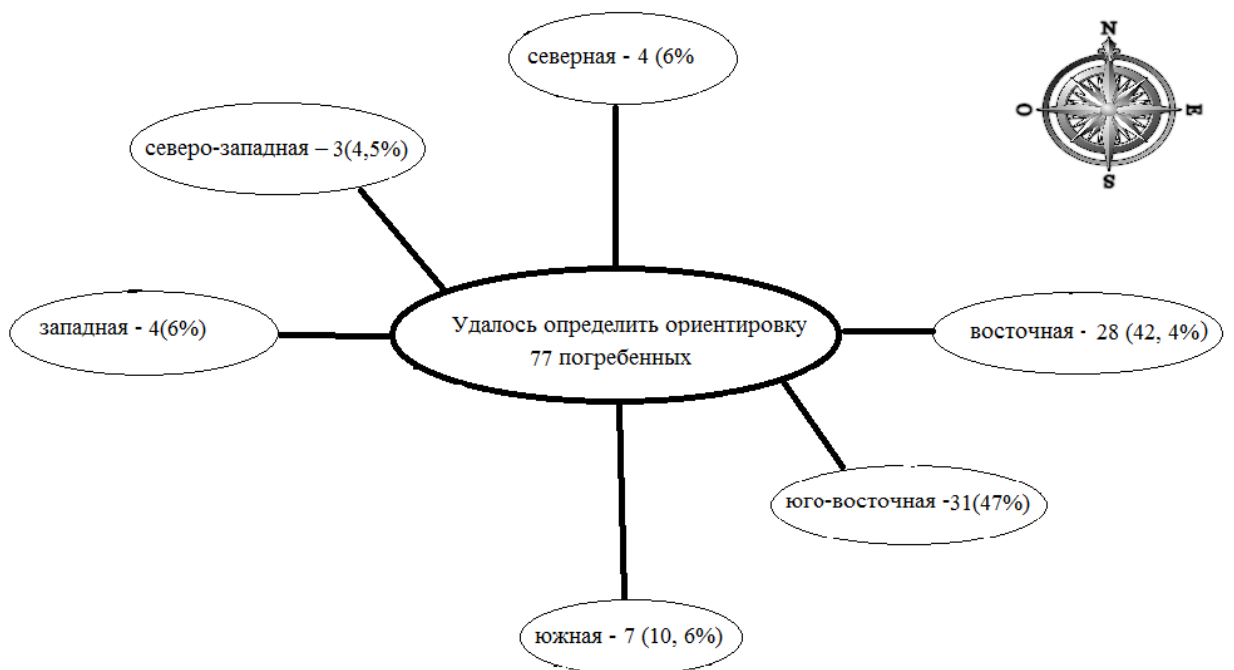

Рис. 24. Количество костяков с установленной ориентировкой, в погребальных сооружениях типа B.

Возрастной интервал	Мужские черепа	Женские черепа
17–25 лет	4	11
26–35 лет	12	16
36–45 лет	18	18
46–55 лет	10	10
Более 55 лет	9	6
Всего:	53	61

Рис. 25. Половозрастной состав изученных краниологических материалов из Беляусского могильника (Кондукторова, Ефимова. 2014. 95. таб. 1.).

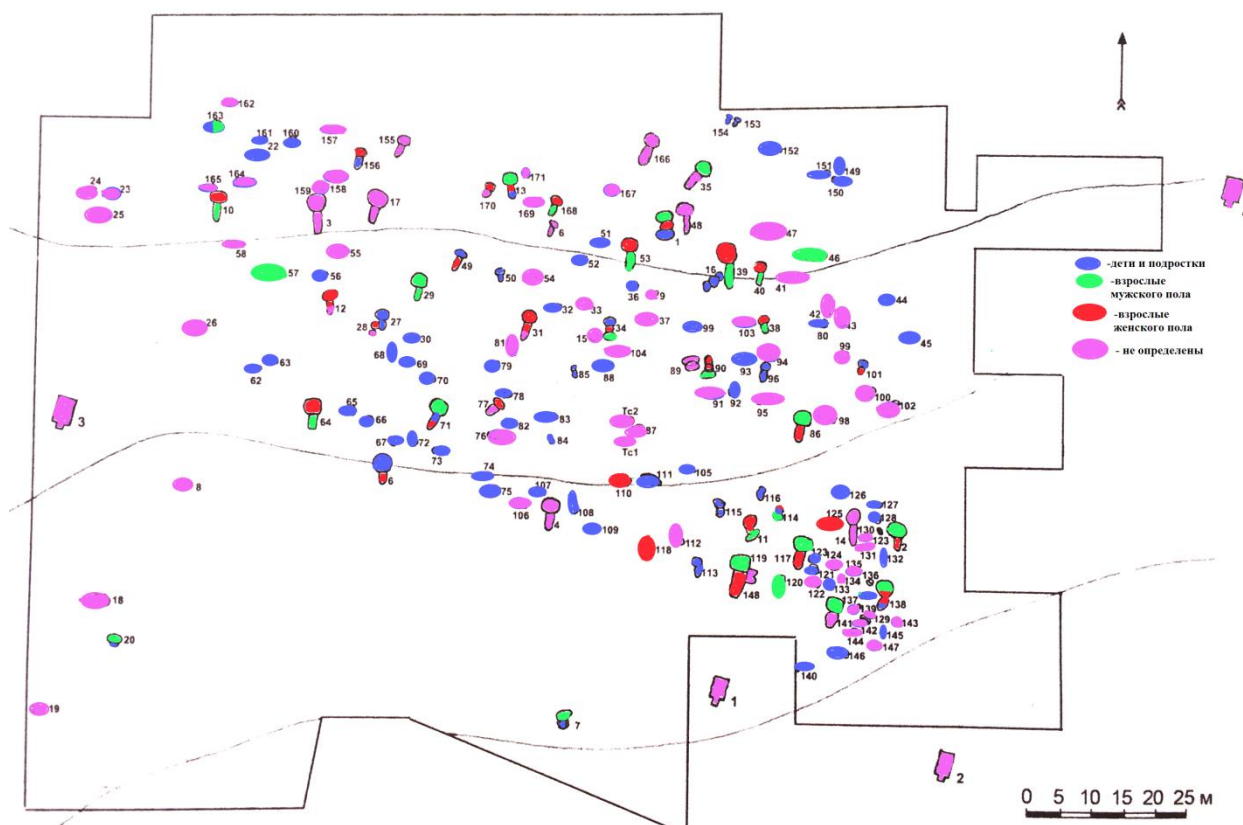

Рис. 26. Половозрастные характеристики, нанесенные на планиграфию могильника Беляус.

	ориентировка	возраст	положение костяка, на спине	положение рук, на груди	положение рук, вдоль туловища	положение рук, под тазом	положение рук, на животе	положение руки, вдоль туловища	положение руки, под тазом	положение руки, на животе	положение руки, выгнута под спиной	положение ног, вытянуты	положение ног, скрещены	положение ног, согнуты
могила №2	запад	40-45	+				+						+	
могила №6	восток	25-35	+			+						+		
могила №10	восток	-	+		+								+	
могила №13	восток	-	+				+							
	запад	-	+				+					+		
могила №31	восток	20-30	+					+	+			+		
	восток	35-40	+		+							+		
могила №39	восток	-	+		+							+		
	восток	-	+		+							+		
	восток	-	+		+							+		
могила №49	юго-восток	20-25	+					+	+			+		
могила №61	восток	20-25	+					+		+		+		
могила №64	восток	55+	+					+	+			+		
	восток	-	+				+					+		
	восток	60+	+		+									+
могила №77	восток	-	+	+									+	
могила №101	восток	15-17	+							+	+			
могила №138	восток	35-40	+		+							+		
	восток	50-60	+					+	+			+		
	восток	35-45	+						+			+		
	восток	30-40	+		+							+		
	восток	35-45	+		+									
могила №156	восток	15-17	+				+					+		
могила №168	восток	50-60	+					+	+			+		
	восток	17-20	+					+	+					+
Всего:		25	25	1	9	1	5	7	3	6	1	17	3	2

Рис. 27. Анализ положения женских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

	ориентировка	возраст	положение костяка, на спине	положение рук, вдоль туловища	положение рук, на тазу	положение рук, на животе	положение руки, вдоль туловища	положение руки, под тазом	положение руки, на животе	положение руки, на тазу	положение ног, вытянуты	положение ног, скрещены	положение ног, согнуты	положение ног, соединены
могила №2	юг	30-35	+	+										
	восток	30-35	+			+					+			
могила №7	восток	60+	+		+							+		
могила №13	восток	50-60	+			+					+			
могила №20	восток	55-65	+							+	+			
могила №29	восток	-	+			+						+		
могила №35	восток	30-35	+				+		+					+
могила №40	запад	45-55	+	+							+			
могила №61	восток	-	+				+			+		+		
могила №64	запад	-	+	+							+			
	запад	40-50	+	+									+	
могила №71	запад	-	+				+	+			+			
	запад	-	+				+	+						
могила №86	восток	17-20	+	+							+			
	восток	35-45	+	+							+			
могила №138	запад	30-35	+				+	+				+		
	восток	40-50	+	+								+		
	запад	40-50	+				+		+		+			
	восток	55	+	+							+			
могила №141	восток	30-40	+			+					+			
могила №148	запад	-	+			+								+
могила №168	восток	30-40	+	+								+		
Всего:		22	22	9	1	6	6	3	2	2	11	6	1	2

Рис. 28. Анализ положения мужских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

		ориентировка	положение костяка, на спине	положение рук, вдоль туловища	положение руки, вдоль туловища	положение руки, на животе	положение руки, на тазу	положение ног, вытянуты	положение ног, скрещены	положение ног, согнуты
могила №16	юго-восток	+	+					+		
	юго-восток	+	+						+	
	юго-восток	+	+							+
	север	+	+					+		
могила №7	восток	+	+					+		
могила №13	восток	+		+	+				+	
могила №49	юго-восток	+		+		+	+			
могила №85	восток	+	+					+		
могила №96	восток	+				+	+			
могила №101	восток	+	+					+		
могила №113	восток	+	+					+		
могила №114	восток	+	+					+		
могила №115	восток	+							+	
могила №116	восток	+	+					+		
могила №153	юго-восток	+	+					+		
могила №154	юго-восток	+	+					+		
Всего:		16	16	12	2	1	2	12	3	1

Рис. 29. Анализ положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа D.

		ориентировка	положение костяка, на спине	положение рук, вдоль туловища	положение рук, на животе	положение руки, вдоль туловища	положение руки, на животе	положение руки, на тазу	положение ног, вытянуты	положение ног, скрещены	положение ног, согнуты	положение ног, соединены
могила №45	восток	+			+			+		+		
могила №47	юго-восток	+		+					+			
могила №52	юго-восток	+				+		+	+			
могила №62	восток	+				+	+				+	
могила №63	юго-восток	+	+						+			
могила №65	север	+	+								+	
могила №66	восток	+	+						+			
могила №72	юго-восток	+	+						+			
могила №80	восток	+	+								+	
могила №82	запад	+									+	
могила №88	восток	+	+						+			
могила №107	юго-восток	+	+						+			
могила №111	восток	+	+							+		
могила №123	восток	+	+									+
могила №127	восток	+	+							+		
могила №128	восток	+	+						+			
могила №132	юго-восток	+						+	+			
могила №133	восток	+	+						+			
могила №140	восток	+	+							+		
могила №146	юго-восток	+							+			
могила №149	юго-восток	+	+							+		
могила №161	юго-восток	+						+	+			
могила №163	восток	+		+					+			
Всего:		23	23	14	2	3	1	4	13	5	4	1

Рис. 30. Анализ положения детских костяков в заполнении погребальных сооружений типа В.

	возраст	ножи	фибулы	кости животных	краснолаковая посуда	браслеты	бусы	лепные сосуды	поясное кольцо	наколеночный стрел	чернолаковая посуда	перстни	подвески	пряслица	кольца (для одежды)	свистельники	пряжки	буфероль	шпено	поясной крюк	кольца	кольца	краснолаковые сосуды	бронзовые ободья	бляшки	кремь	металлические чаши	лепные курительницы	оселок	чернолаковые сосуды	лепные миски	гонимая посуда	мечи					
могила №2	30-35		+																																			
	30-35		+												+		+																					
могила №7	45-50	+																																				
	60+																																					
могила №10	50-60																																					
	50-60	+		+																																		
могила №13	50-60		+	+	+	+																																
могила №20	50-60	+	+																																			
	55-65																																					
	35-45	+		+																																		
могила №29	-		+		+																																	
могила №35	30-35																																					
могила №39	-	+																																				
	-		+		+																																	
	-	+	+	+																																		
	-		+																																			
могила №40	45-55	+		+	+																																	
могила №53	55-60	+		+	+	+																																
могила №61	45-50	+																																				
могила №64	25-35		+																																			
	35+	+	+		+	+																																
	-				+																																	
	-	+	+			+																																
	40-50																																					
могила №71	-																																					
	-	+	+	+	+																																	
могила №86	35-45																																					
	17-20	+																																				
могила №90	40-50	+	+		+																																	
	17-20																																					
могила №117	45-55				+																																	
	60+																																					
могила №138	40-50																																					
	40-50	+	+	+																																		
	55	+	+																																			
могила №141	-	+	+	+	+																																	
	30-40																																					
могила №148	-	+	+																																			
могила №168	30-40	+	+																																			
Всего			19	17	12	11	10	9	8	6	5	5	5	4	4	4	4	4	4	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	
Всего 39 костяков																																						

Рис. 31. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных мужских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

	возраст	бусы	лепные миски	кости животных	фибулы	пряслица	краснолаковая посуда	браслеты	серьги	астрагала	перстни	ножи	наконечники стрел	светильники	пряжки	гончарная посуда	кольца	мегарские чаши	зеркала	украшения	наглазники	бляшки	лепные сосуды	чернолаковая посуда
могила №2	40-45	+																						
могила №6	25-35									+			+		+									
могила №10	-		+		+			+			+													
могила №13	-	+		+			+	+			+	+					+							
	-						+							+										
могила №31	20-30				+			+					+											
																+								
могила №39	-	+			+				+													+		+
	-	+		+																				
	-							+									+	+						+
могила №49	20-25	+			+		+					+		+										
могила №53	20-25			+		+	+																	
могила №61	20-25	+																						
могила №64	-	+							+															
могила №71	25-35																	+						
могила №77	35-45		+																					
	-		+	+																				
могила №101	15-17		+	+						+														
могила №117	18-22				+	+																		
могила №138	45-50									+														
	25-30					+																		
	35-40								+															
	35-45		+			+																		
	35-40		+				+						+											
могила №148	-	+		+																				
могила №156	15-17	+		+	+											+				+			+	
могила №168	50-60	+			+	+									+		+							
	17-20	+																						
могила №170	30-45		+	+		+	+				+													
Всего:			11	8	8	7	6	5	5	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1
Всего: 30 костяков.																								

Рис. 32. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных женских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

	бусы	браслеты	подвески	серьги	летние миски	бляшки	кольца	фибулы	краснолаковая посуда	кости животных	ножи	пращлица	летние сосуды	светильники	астрала	ГРИВНЫ	перстни	наконечники стрел	кольца (для одежды)	пращки	поясное кольцо	гончарная посуда	бронзовые обоймы	
могила №7	+		+																					+
могила №13		+													+	+		+	+	+	+			
могила №20		+						+	+	+														
могила №21		+																						
		+																						
	+	+				+																		
могила №27	+	+	+	+								+												
могила №36	+	+					+									+								
могила №49	+				+																			
могила №61														+										
могила №71		+			+			+																
могила №84		+																						
	+																							
могила №85	+																							
могила №101	+		+				+	+								+								
могила №113	+						+																	
														+										
могила №114													+											
	+		+	+		+		+																
могила №115				+																				
	+				+																			
могила №116	+	+																						
могила №138	+	+																						
могила №141		+																						
могила №153	+											+												
могила №154			+	+									+											
могила №156	+		+			+				+	+													+
Всего: 28 костяков	15	12	6	4	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1

Рис. 33. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных детских захоронениях в погребальных сооружениях типа D.

	буца	подвески	браслеты	серьги	фибулы	аристократическая посуда	бляшки	металл. сосуды	металл. монеты	пожи	прислелы	наконечники стрел	сигналы	копья	оружийные обломки
могила №23	+							+							
могила №30					+										
	+														
могила №32	+	+													
могила №44	+													+	
могила №45	+						+								
могила №47	+	+													
могила №51	+				+										
могила №52	+	+													
могила №56								+							
могила №59	+														
могила №60	+														
могила №62	+														
могила №63	+	+													
могила №65	+		+												
	+		+												+
могила №66	+														
	+														
могила №67					+										
могила №68	+														
могила №69	+														
могила №72	+	+													
могила №74	+														
могила №75	+														
могила №79	+							+							
могила №80	+														
могила №83	+														
могила №88	+														
могила №92	+	+													
	+	+													
могила №93	+	+	+												
могила №107	+														
могила №109	+	+	+												
	+														
могила №121	+							+							
	+														
могила №123	+	+	+	+											
могила №126	+			+											
могила №127	+	+													
могила №132	+														
могила №137	+	+	+												
	+														
могила №140	+			+								+	+		
могила №145	+														
могила №146	+						+								
могила №149	+	+	+												
могила №150	+	+													
могила №151	+	+													
	+	+													
	+	+													
могила №160	+						+		+						
могила №161	+														
	+														
могила №163	+										+				
	+														
Всего: 55 крестков	52	11	8	5	3	3	3	2	2	1	1	1	1	1	1

Рис. 34. Распределение категорий инвентаря, зафиксированных при не потревоженных детских захоронениях в погребальных сооружениях типа В.

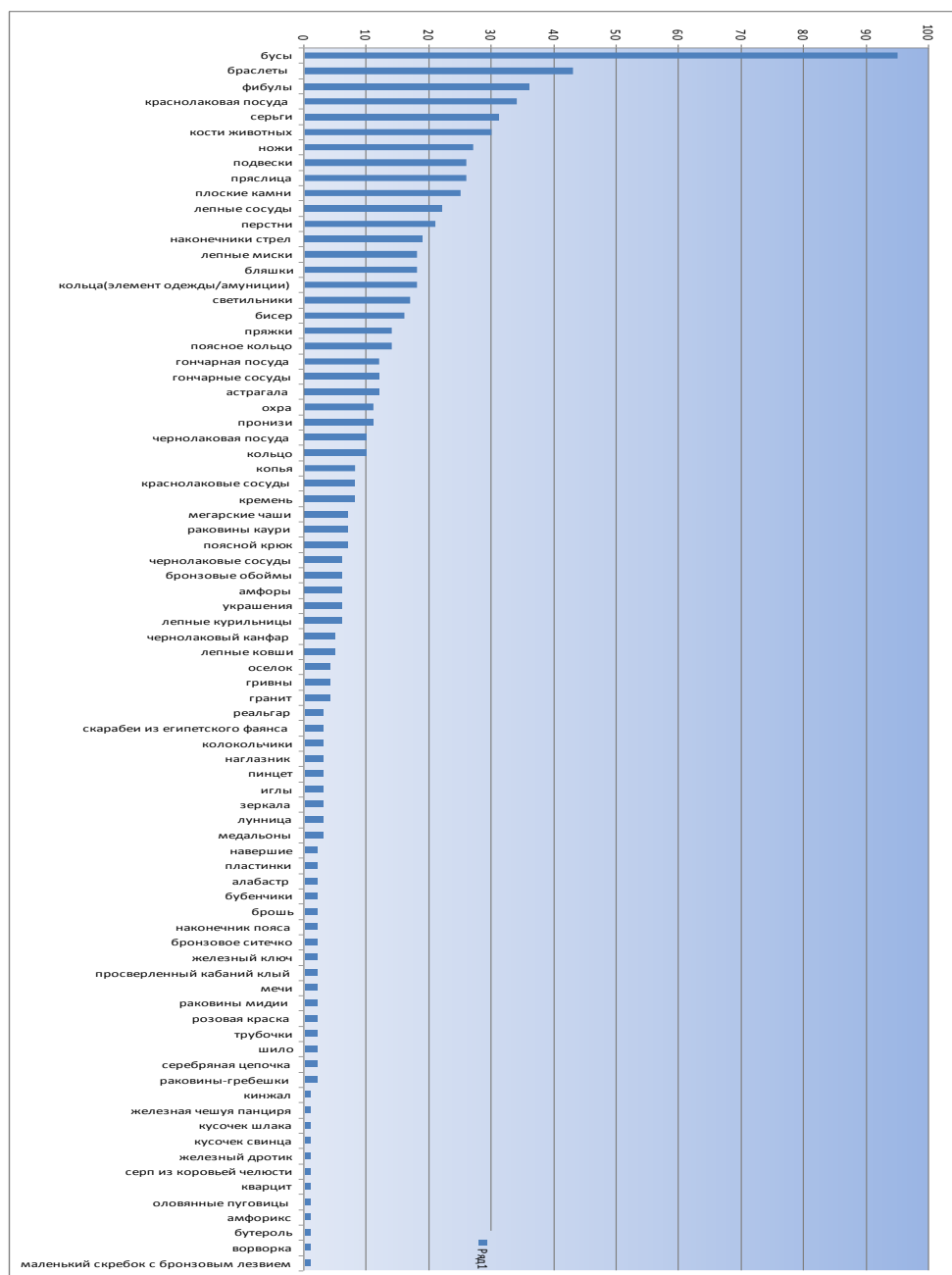

Рис. 35. Количество погребений с определенной категорией инвентаря.

	количество категорий инвентаря в погребениях
возрастные группы погребенных (17-20 лет)	от 3 - до 7
возрастные группы погребенных (25-35 лет)	от 2 - до 4
возрастные группы погребенных (40-50 лет)	от 2 - до 7
возрастные группы погребенных (50-60 лет)	от 3 - до 6
возрастные группы погребенных (60+ лет)	от 1 - до 3

Рис. 36. Количественное распределение различных категорий инвентаря, в соотношении с возрастными группами мужских захоронений в погребальных комплексах типа Д.

	количество категорий инвентаря в погребениях
возрастные группы погребенных (15-17 лет)	от 3 - до 6
возрастные группы погребенных (18-22 лет)	от 1 - до 3
возрастные группы погребенных (20-25 лет)	от 2 - до 5
возрастные группы погребенных (25-35 лет)	от 1 - до 4
возрастные группы погребенных (35-45 лет)	от 1 - до 5
возрастные группы погребенных (45-50 лет)	1
возрастные группы погребенных (50-60 лет)	2

Рис. 37. Количественное распределение различных категорий инвентаря, в соотношении с возрастными группами женских захоронений в погребальных комплексах типа Д.

